Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ ИКСА РАН

Выпуск 12

Москва
ИКСА РАН
2026

УДК 008(510+1-925.7/.9)(082)
ББК 71(5Кит+55/57)я4
А64

А64 Аналитические записки ИКСА РАН. Выпуск 12. — М.: ИКСА РАН, 2026. — 74 с.

ISBN 978-5-8381-0543-1
DOI 10.48647/ICCA.2026.24.77.011

Аналитические записки ИКСА РАН выходят с июля 2022 года. Они отражают взгляд экспертно-аналитического сообщества Института на глобальные и региональные проблемы, касающиеся различных аспектов ситуации в странах Азии.

УДК 008(510+1-925.7/.9)(082)
ББК 71(5Кит+55/57)я4

ISBN 978-5-8381-0543-1 © ИКСА РАН, 2026

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of China and Contemporary Asia

ANALYTICAL NOTES OF THE ICCA RAS

Issue 12

Moscow
ICCA RAS
2026

Analytical Notes of the ICCA RAS. Issue 12. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), 2026.

Analytical Notes of ICCA RAS has been published since July 2022. The edition reflects views of the Institute's expert community on global and regional issues relating to various aspects of the situation in the countries of the Asia.

© ICCA RAS, 2026

Об издании

«Аналитические записки Института Китая и современной Азии (ИКСА)» Российской академии наук (РАН) выходят с июля 2022 года и отражают реакцию его экспертно-аналитического сообщества на глобальные и региональные проблемы, касающиеся внешнеполитических, социально-экономических, энергетических, продовольственных, экологических, эпидемиологических и иных аспектов ситуации в странах Азии, эволюции его роли и значения в трансформации современного мироустройства, осуществления в нем процессов глобализации и деглобализации, обеспечения безопасности для надлежащего развития стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, важности российского фактора как гаранта сбалансированности обстановки в Азии.

Аналитические записки публикуются в печатном виде и электронной версии, которая размещается на официальном сайте ИКСА РАН.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное учреждение науки «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН)». Ознакомиться с информацией о нем можно на сайте: **http://www.iccaras.ru/**

About the edition

Analytical Notes of the Institute of China and Contemporary Asia (ICCA) of the Russian Academy of Sciences (RAS) has been published since July 2022 and reflects views of its expert community toward global and regional problems related to foreign policy, socio-economic, energy, food, environmental, epidemiological and other aspects of the situation in the countries of the Asia, the evolution of its role and importance in the transformation of the modern world order, realization of globalization and deglobalization processes, ensuring security for the proper development of the countries of the Far East and South-East Asia, importance of the Russian factor as a guarantor of a balanced situation in the Asia.

Analytical Notes are published as printed and electronic materials and posted on the official website of the ICCA RAS.

Founder and publisher: Federal State Autonomous Institution of Science "Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS)". Here you will find more information about the Institute: **http://www.iccaras.ru/**

Главный редактор

Виноградов Андрей Олегович — кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИКСА РАН, заместитель руководителя Центра социально-экономических исследований ИКСА РАН.

E-mail: vinogradov_ao@iccaras.ru

Заместитель главного редактора

Сухадольская Людмила Леонидовна — старший редактор Издательского отдела ИКСА РАН.

E-mail: Suhadolskaya@iccaras.ru

Редакционный совет

Бабаев Кирилл Владимирович — доктор филологических наук, директор ИКСА РАН, председатель Совета;

Вавилов Олег Кимович — начальник Управления информационно-издательской деятельности, председатель Редакционно-издательского совета ИКСА РАН;

Виноградов Андрей Олегович — кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИКСА РАН, заместитель руководителя Центра социально-экономических исследований ИКСА РАН;

Кулинцев Юрий Викторович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа ИКСА РАН;

Лексютина Яна Валерьевна — доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора ИКСА РАН, профессор СПбГУ;

Уянаев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, руководитель — ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» ИКСА РАН.

Контакты

Адрес редакции, учредителя и издателя:
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32, ИКСА РАН.

При использовании материалов издания ссылка на источник обязательна.

Содержание

КНР

Трощинский П.В., Уянаев С.В. О китайском опыте в сфере патриотического воспитания 10

Сафронова Е.И. О становлении китайской дипломатии искусственного интеллекта 16

Воробей М.С. Об опыте реализации инвестиционных проектов Китая в Афганистане 23

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И АТР

Асмолов К.В. Изменения в Конституции КНДР 34

Лавров С.В. О возможном усилении влияния России на развитие обстановки в морских акваториях Азии 41

Добринская О.А., Лавров С.В. О военно-морском сотрудничестве между Японией и Индией 47

Парамонов О.Г., Лавров С.В. О политике Японии в отношении малых островных государств Южной части Тихого океана 54

ДИАСПОРЫ И МИГРАЦИЯ

Григорьева К.С. Общественно-политические дискуссии о семейной миграции: действительно ли она является источником проблем для принимающего общества? 60

ФОРУМЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

Лексютина Я.В., Уянаев С.В. Об итогах 21-й трехсторонней академической конференции РИК 63

Михневич С.В. Об итогах Инвестиционного бизнес-форума ШОС «Кыргызстан — сердце Евразии» и задачах развития инвестиционного сотрудничества в ШОС 68

Content

CHINA

Troshchinski P.V., Uyanaev S.V. On China's Experience in Patriotic Education 10

Safronova E.I. On the Development of Chinese Artificial Intelligence Diplomacy 16

Vorobey M.S. On the Experience of Implementing Chinese Investment Projects in Afghanistan 23

EAST ASIA AND THE ASIA-PACIFIC REGION

Asmolov K.V. Amendments to the Constitution of the DPRK 34

Lavrov S.V. On the Possible Strengthening of Russia's Influence on the Development of the Situation in the Maritime Waters of Asia 41

Dobrinskaya O.A., Lavrov S.V. On Naval Cooperation between Japan and India 47

Paramonov O.G., Lavrov S.V. On Japan's Policy toward Small Island States in the South Pacific 54

DIASPORAS AND MIGRATION

Grigor'eva K.S. Socio-Political Debates on Family Migration: Is it Really a Source of Problems for the Host Society? 60

FORUMS AND CONFERENCES

Leksyutina Ya.V., Uyanaev S.V. On the Results of the 21st Trilateral Academic Conference of the RIC 63

Mikhnevich S.V. On the Results of the SCO Investment Business Forum "Kyrgyzstan — the Heart of Eurasia" and the Objectives of Developing Investment Cooperation in the SCO 68

DOI: 10.48647/ICCA.2026.42.22.012

П.В. Трощинский, С.В. Уянаев

О КИТАЙСКОМ ОПЫТЕ В СФЕРЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. Опыт построения патриотической работы в Китае, где она прочно и системно вплетена в перечень мер по реализации стратегических целей страны, представляет значительный интерес для России. В данном аналитическом материале подробно анализируется «Закон КНР о патриотическом воспитании», принятый в 2023 г. и вступивший в силу с 1 января 2024 г. По мнению авторов, Закон служит не просто декларацией, но и предусматривает систему мер, направленных на укрепление национального самосознания страны. «Закон КНР о содействии национальному единству и прогрессу», вступивший в силу в июле 2026 г., является дальнейшим развитием положений «Закона КНР о патриотическом воспитании» и заслуживает внимания со стороны законодательных органов РФ с целью повышения эффективности патриотического воспитания в стране.

Ключевые слова: Россия, Китай, законодательство, патриотическое воспитание.

Авторы: Трощинский Павел Владимирович, кандидат юридических наук, руководитель — ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8837-1097. E-mail: troshc@mail.ru

Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель — ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

Troshchinski P.V., Uyanaev S.V.

On China's Experience in Patriotic Education

Abstract. The experience of building patriotic work in China, where it is firmly and systematically woven into the measures for achieving the country's strategic goals, is of significant interest to Russia. This analytical paper provides a detailed analysis of the "Law of the People's Republic of China on Patriotic Education", adopted in 2023 and effective January 1, 2024. According to the authors, the Law serves more than just a declaration but also provides a system of measures aimed at strengthening the country's national identity. The "Law of the People's Republic of China on Promoting National Unity and Progress", effective July 2026, further develops the provisions of the "Law of the People's Republic of China on Patriotic Education" and deserves the attention of Russian legislative bodies to enhance the effectiveness of patriotic education in the country.

Keywords: Russia, China, legislation, patriotic education.

Authors: Pavel V. Troshchinskiy, Ph.D. (Law), Head — Leading Researcher, Center for Political Studies and Forecasts, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-8837-1097. E-mail: troshc@mail.ru

Sergey V. Uyanaev, Ph.D. (History), Head — Leading Researcher, Center "Russia, China, World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

В Совместном заявлении РФ и КНР по итогам майского визита президента России в Китай была в очередной раз подчеркнута важность сотрудничества в гуманитарной сфере. Было отмечено, в частности, что стороны договорились «реализовывать совместные проекты в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи».

Тема воспитания патриотизма актуальна для обеих стран. Повышенное внимание уделяется ей в России, в том числе в рамках Федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». В этой связи немалый интерес представляет опыт по-

строения патриотической работы в Китае, где она прочно и системно вплетена в перечень мер по реализации стратегических целей страны, включая базовую задачу «великого возрождения китайской нации». Неслучайно в январе 2026 г. председатель Си Цзиньпин в одном из выступлений вновь подчеркнул необходимость «усилить идейно-нравственное воспитание молодёжи», призвав школы, семьи и общество действовать как «единый механизм формирования мировоззрения у несовершеннолетних».

Степень важности данной темы для Китая наглядно проявляется в том, что она официально вынесена на базовый юридический уровень: 24 октября 2023 г. был принят специальный «Закон КНР о патриотическом воспитании». Фундаментальный акт из 5 глав и 40 статей вступил в силу 1 января 2024 г. Аналога подобного закона нет не только в РФ, но и, например, в США или в странах ЕС. Согласно Закону, Китай разворачивает «...патриотическое воспитание всего народа, укрепляет и объединяет все патриотические силы, превращая патриотизм в твердую веру, духовную силу и осознанные действия всего народа» (ст. 2). Закон обязывает правительственные и частные органы воспитывать население в духе любви к Родине, уважения своей культуры, истории, подвигов национальных героев. Положения Закона направлены на укрепление китайской национальной идентичности, на признание значимости достижений китайской нации и ее вклада в мировую историю и культуру, на повышение уровня поддержки государственной идеологии. Патриотическое воспитание направляется на всех граждан КНР, но в особенности на детей и молодежь, продвигается как в образовательных учреждениях, так и в семье.

Важно, что Закон служит не просто декларацией, но и предусматривает систему мер, направленных на укрепление национального самосознания.

Основные конкретные положения Закона состоят в следующем:

1. Декларируется приверженность марксизму-ленинизму, идеям Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и других знаковых руководителей КНР, включая «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху».

2. Подчеркивается важность единой трактовки истории Китая и места КПК в создании новой китайской государственности; особо отмечается, что патриотическое воспитание «придерживается идеи о руководящей роли Коммунистической партии Китая» (ст. 4); акцентируется внимание на приверженности социалистическим ценностям и мечте о «великом возрождении китайской нации».

3. Указывается на необходимость чтить память героев, отдавших свою жизнь не только за социалистический, но и «старый» Китай; не допускается уничижение подвигов исторических героев, умаление их вклада в борьбу против агрессоров.

4. Поддерживается внедрение патриотизма в учебные программы образовательных учреждений, в СМИ, Интернет; особое внимание уделено патриотическому воспитанию в семьях: согласно ст. 17, «родители и опекуны несовершеннолетних граждан обязаны заниматься их патриотическим воспитанием».

5. Запрещаются любые действия, способствующие расколу страны и подрывающие национальное единство или авторитет власти; объявляются вне закона любые сепаратистские проявления; в ст. 23 говорится о задаче воспитания в духе концепции «одно государство — два строя», важной применительно к темам Тайваня и Гонконга.

6. Поощряются посещения мемориалов, музеев, памятников, проведение патриотических мероприятий общегосударственного масштаба; в дни крупных государственных праздников патриотические программы становятся обязательными для всей страны.

7. Предусматриваются меры «противодействия западным демократическим ценностям», вступающим в противоречие «с традиционными китайскими концепциями и марксизмом-ленинизмом».

8. В организационном плане патриотическая работа, согласно Закону, должна пронизывать все властные и общественные уровни. «Продвигать патриотическое воспитание в массы» обязаны все центральные и местные государственные органы и партийные организации; в эту работу должны вовлекаться культурные, туристические, информационные и иные организации «всех форм собственности»; в патриотическом воспитании должны участвовать армия, профсоюзы, комсомол, различные общественные организации, включая объединения китайских соотечественников за границей, а также религиозные конфессии, присутствующие в КНР.

9. Предусматривается система поддержки и поощрений организаций и частных лиц, участвующих в проектах патриотического воспитания.

10. Устанавливается строгая юридическая ответственность за нарушение положений закона, включая административную и уголовную.

Законотворческая деятельность в сфере патриотического воспитания, несомненно, важная с точки зрения его эффективности, продолжается и сегодня. Развитием ряда положений «Закона КНР о пат-

риотическом воспитании» можно считать принятый 12 марта 2026 г. «Закон КНР о содействии национальному единству и прогрессу» (7 глав, 65 статей, вступил в силу 1 июля 2026 г.).

Положения данного Закона, в частности, детально регламентируют правовые основы противодействия этническому сепаратизму и дискриминации, устанавливают четкие механизмы государственного контроля и персональной ответственности за нарушение норм межнационального согласия.

В оценках, которые некоторые западные эксперты адресуют принятой в Китае системе юридического регламентирования патриотического воспитания, присутствует тезис, согласно которому «власти КНР через правовые механизмы ставят целью усиление идеологического контроля над китайским обществом». Продвигается мысль, что в Китае, якобы, немало тех, кто «сомневается в истинности декларируемых государством ценностей».

Однако такая критика вряд ли имеет обоснованный характер. Она может быть опровергнута, как минимум, масштабом национально-патриотических мероприятий, которые регулярно проводятся в Китае и были вновь проиллюстрированы недавней общенациональной кампанией по празднованию 80-летия «Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и общемировой Победы над фашизмом».

Выводы и рекомендации

1. Характер действующего в КНР Закона о патриотическом воспитании свидетельствует о том, что Китай по-прежнему рассматривает идеологическую сферу как одну из наиболее приоритетных, стремится регулировать ее не только на политическом, но и на правовом уровне, добивается при этом практической отдачи в виде заметной степени консолидации общества.

2. Патриотическое воспитание российского населения, в особенности молодежи, в условиях СВО является жизненно необходимым для сохранения нашей государственности и защиты национального единства. Стране требуется единый нормативный правовой акт высокого уровня в данной сфере — Федеральный закон о патриотическом воспитании с четкими формулировками и жесткой ответственностью за нарушение содержащихся в нем положений.

3. Опыт Китая, востребованный в контексте задач РФ по патриотическому воспитанию, может быть особенно эффективен в таких

сферах, как защита информационного пространства от разрушающего патриотические ценности контента, широкое использование современных цифровых технологий, включение соответствующих учебных предметов в программы обучения в государственных и частных образовательных учреждениях, регламентация вопросов семейного патриотического воспитания в отношении прежде всего несовершеннолетних детей.

4. Требуется, опираясь на опыт КНР, на уровне закона учесть меры поддержки и поощрения юридических и физических лиц, участвующих в патриотических проектах, предусмотреть для них различного рода налоговые и иные льготы.

5. России, по примеру КНР, нужно увеличить объем патриотического контента, продуцируемого литературой, СМИ, киноиндустрией и другими художественными и культурными сферами; важно создать органы общественного контроля над соблюдением законодательства в сфере патриотического воспитания.

6. Необходимо, как и в Китае, воспитывать в гражданах РФ глубокую эмоциональную привязанность к России, что достигается через пропаганду подвигов героев, их преданности Родине. Особое внимание необходимо обратить на патриотическое воспитание мигрантов, стремящихся получить паспорт гражданина РФ. У них должна формироваться ответственность за общее будущее нашей страны.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.35.81.013

Е.И. Сафронова

О СТАНОВЛЕНИИ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Автор рассматривает принципы и направления китайской дипломатии искусственного интеллекта (ИИ-дипломатии), прослеживаемые в документах Всемирной конференции по ИИ (Шанхай, июль 2026 г.). Приводится авторский взгляд на актуальные цели новой внешнеполитической линии КНР. Отмечается вызревание в китайской ИИ-сфере диалектических тенденций, ставших следствием и одновременно основой как для ее дальнейшего технико-экономического развития, так и для политико-дипломатических решений, относящихся к области искусственного интеллекта. Затронуты также вопросы американо-китайского соперничества в сфере ИИ и особенности подхода КНР к международному сотрудничеству в этой отрасли.

Ключевые слова: Китай, *WAICO*, дипломатия, искусственный интеллект, США, Глобальный Юг, открытый код.

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@iccaras.ru

Safronova E.I.

On the Development of Chinese Artificial Intelligence Diplomacy

Abstract. This article begins with an examination of the principles and directions of Chinese artificial intelligence diplomacy (AI diplomacy), as outlined in the documents of the World AI Conference (Shanghai, July

2026). The author's perspective on the current goals of this new China's diplomatic approach is also presented. The material notes the maturation of dialectical tendencies in China's AI sector, which have become a consequence and simultaneously the basis for both AI further technical and economic development and political and diplomatic decisions related to artificial intelligence. The paper also addresses the US-China rivalry in AI and the specifics of China's stance on international cooperation in this field.

Keywords: China, *WAICO*, diplomacy, artificial intelligence, USA, Global South, open source.

Author: Elena I. Safronova, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Center "Russia, China, World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@iccaras.ru

Развитие в Китае сферы искусственного интеллекта (ИИ) создало предпосылки для формирования нового инструмента китайской внешней политики — «дипломатии искусственного интеллекта».

Принципы и направления этой дипломатии были изложены в речи Си Цзиньпина 17 июля на Международной конференции по ИИ в Шанхае, где было объявлено о создании Всемирной организации сотрудничества в области искусственного интеллекта (*World Artificial Intelligence Cooperation Organization*, *WAICO*)[1], а также в итоговом Заявлении председателя Конференции.

Многие из этих принципов являются традиционными для китайской дипломатии (открытость, равноправие, многосторонность, уважение роли ООН, поддержка развивающихся стран и т. д.). Однако среди них есть и новые, соответствующие изменению обстановки и учитывающие специфику сферы применения (безопасность и управляемость ИИ, формирование ценностей ИИ на основе общечеловеческих ценностей и др.).

Си Цзиньпин обозначил также ряд задач, которые можно трактовать как направления китайской ИИ-дипломатии. Они тоже носят во многом декларативно-пропагандистский характер, однако есть среди них и те, которые предполагают практическое применение:

• стимулирование ИИ-развития путем поощрения технологий открытого исходного кода;

[1] В состав *WAICO* вошли 29 государств, включая Россию, Беларусь, сам Китай и многие страны Глобального Юга.

• содействие развивающимся странам в создании открытых систем ИИ во избежание риска «новой исторической несправедливости» в доступе к высоким технологиям и с целью ликвидации технологического разрыва между Севером и Югом;

• стимулирование разработки международной нормативно-правовой базы, а также экономических и торговых правил для ИИ;

• мониторинг рисков безопасности, создаваемых ИИ, содействие разработке систем предупреждения о рисках и реагирования на ЧС;

• содействие взаимному признанию стандартов и снижение затрат и рамок международного сотрудничества в области ИИ и др.[1]

Сейчас реально выполнимыми шагами ИИ-дипломатии Китая видится намерение в ближайшие пять лет выделить странам Юга 5000 учебных программ на базе искусственного интеллекта и безвозмездно предоставить метеорологическую ИИ-систему раннего предупреждения *Mazu*. Возможно, КНР достигнет результатов и на пути создания международных кооперационных центров с партнерами из АСЕАН, Лиги арабских государств, Африканского союза, Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна, ШОС и БРИКС (об этом тоже шла речь в выступлении Си Цзиньпина[2]). Это говорит о том, что Пекин нацелен на достижение лидерства не только в разработке ИИ-решений, но и в процессе соответствующего международного нормотворчества.

Основным адресатом дипломатической активности Пекина предстает Глобальный Юг, где рынок ИИ только складывается. Китай стремится уже на начальном этапе закрепить за собой контроль и создать сеть цифровой инфраструктуры и технических стандартов, которая укрепляла бы его присутствие на развивающихся ИИ-рынках[3].

Предоставление Глобальному Югу обещанных открытых интеллектуальных моделей соответствует принципам открытости и инклю-

---

[1] См. Полный текст выступления Си Цзиньпина на церемонии открытия Всемирной конференции по искусственному интеллекту 2026 года и Конференции высокого уровня по глобальному управлению ИИ. 17.07.2026. URL: https://russian.cgtn.com/2026/07/17/ARTI1784293571420117 (дата обращения: 10.08.2026); Chair's Statement of the 2026 World Artificial Intelligence Conference & High-Level Meeting on Global AI Governance_ Permanent Mission of the People's Republic of China to the UN. 17.07.2026. URL: https://un.china-mission.gov.cn/eng/zgyw/202607/t20260717_11984715.htm (accessed: 10.08.2026).

[2] 习近平在2026世界人工智能大会暨人工智能全球治理高级别会议开幕式上的主旨讲话（全文）// 新华社 17.07.2026. URL: https://www.xinhuanet.com/20260717/cd6f05c279b549ef81b90d3c7d3f02f6/c.html (дата обращения: 10.08.2026).

[3] Китай объявил о создании глобального ИИ-союза с Россией. URL: https://rtvi.com/news/kitaj-obyavil-o-sozdanii-globalnogo-ii-soyuza-s-rossiej / (дата обращения: 10.08.2026).

зивности дипломатии КНР. Иначе это направление можно назвать «дипломатией с открытым исходным кодом». Ныне лишь пять из 15-ти лучших моделей искусственного интеллекта имеют открытый исходный код, и все они созданы в Китае. Открытость ИИ-решений позволяет любому пользователю интегрировать их в свои продукты без лицензии (кроме частных случаев, когда покупка лицензии оговорена особо), что недоступно в случае проприетарных моделей, созданных американскими *Anthropic* и *OpenAI*[1]. Таким образом Китай продвигает свои информационные стандарты, рабочие протоколы, цифровую этику, нацеливаясь создание собственной экосистемы в сфере ИИ и робототехники. Доступ к открытому исходному коду становится элементом «мягкой силы» страны и ее дипломатическим козырем.

Однако не исключено, что со временем Китай столкнется с нежелательными последствиями открытых ИИ-решений, ибо они могут быть использованы против технологической безопасности и промышленной тайны Китая. Чем крупнее и производительнее модель, тем более непредсказуемыми станут порождаемые ею риски. Посему Китай не снабдит действительно высокозначимые стратегические модели доступными для импортеров возможностями по полному контролю над ними. Вероятно, что вопрос о безопасности ИИ-моделей вызовет новый виток технологического и внешнеполитического соперничества.

Нельзя не отметить и то, что китайские модели неприменимы для решения многих задач, поскольку изначально содержат блок на любые запросы, связанные с политикой, экономикой, историей и современным состоянием дел КНР. При этом утверждения о том, что данные механизмы контроля могут быть удалены, а модели переобучены, не совсем соответствует действительности. Подобное переобучение технически сложно, высокозатратно и далеко не всегда приводит к положительным результатам[2]. В любом случае следует отметить растущую способность КНР уже сейчас посредством ИИ-сферы формировать глобальную информационную среду.

По сути, Си Цзиньпин в лице *WAICO* дал старт «прокитайскому» ИИ-альянсу, бросив вызов лидерству США в этой отрасли. В своем

---

[1] *Храмов Е.* Чем и кому выгоден ИИ с открытым исходным кодом. URL: https://www.it-world.ru/tech/35vpf5pqv1c0so8s48ckkkks044skk8.html (дата обращения: 15.08.2026).

[2] См.: *Wang Yaqiu*. The Global Danger of China's State-Controlled AI Models // *WPR*. 31.07.2016. URL: https://www.worldpoliticsreview.com/china-ai-models-censorship-ccp-global-07312026/?one-time-read-code=4306741785612521229186 (accessed: 15.08.2026).

выступлении Си, не называя прямо США, раскритиковал любые попытки доминирования в области ИИ, подчеркнув, что развитие этой сферы «должно быть не сольным выступлением одной страны, а симфонией международного сотрудничества»[1].

Хотя США сохраняют преимущество в разработке передовых решений, китайские фирмы уже создают высокоэффективные модели, причем более низкой стоимости. Так, в июле пекинский стартап *Moonshot AI* выпустил *Kimi K3*, крупнейшую на сегодняшний день ИИ-модель с открытым исходным кодом (в конце июля *Moonshot* опубликовала веса этой модели). Ее создатели утверждают, что *Kimi K3* превзошла лучшую модель *DeepSeek* — лидирующей ИИ-компании КНР. Выпуск *Kimi 3* значительно сократил технологический и функциональный разрыв между китайскими решениями и американскими моделями от *OpenAI* и *Anthropic*, уменьшив отставание с 6—10 месяцев до примерно 4-х[2].

При прогнозировании развития китайской ИИ-сферы следует учитывать, что в нем *сосуществуют две тенденции*: центробежная и центростремительная.

Укрепление опоры на собственные силы, поиск технологической независимости иллюстрируют центростремительную тенденцию. Так, до недавнего времени китайские технологические компании немало полагались на ИИ-чипы американской *Nvidia*, несмотря на экспортный контроль со стороны США. Но в сентябре 2025 г. Пекин дал указание ускорить внедрение отечественных альтернатив. Эта установка заострила цель Китая покончить с технологической зависимостью как источником стратегической уязвимости.

Центробежная же тенденция обусловлена процессами фрагментации в развитии ИИ. Она подразумевает разделение технологий и форматов данных, несовместимость систем от разных создателей, несходство отраслевого законодательства и, следовательно, разделение рынка на множество изолированных сегментов, создающих барьеры на пути обмена знаниями и координации систем. Смысл фрагментации обусловлен тем, что она может служить элементом безопасности го-

[1] Цит. по: La Cina, l' IA e la nuova frontiera della competizione geopolitica. URL: https://a7b4e4.emailsp.com/f/rnl.aspx/?fjd=svzwyy.-ge=tyah0=pxqw/8-70.=:4jigadf5j&x=pp&rzn4&x=pv&06l4ff207h=rtxuqNCLM (accessed: 10.08.2026).

[2] Tan CK. Xi dabbles in 'AI diplomacy' at Shanghai forum with Thai, Cambodian PMs. URL: https://asia.nikkei.com/business/technology/artificial-intelligence/xi-dabbles-in-ai-diplomacy-at-shanghai-forum-with-thai-cambodian-pms (accessed: 10.08.2026).

сударств, подразумевающей уникальность и секретность особо важных ИИ-разработок.

Смысл ее и в сдерживании интеллектуального потенциала конкурента. Это достигается блокировкой доступа к технологиям и ресурсам посредством протекционизма, экономических санкций, торговых запретов и/или путем прямого политико-экономического давления. Задача США на этом пути в том, чтобы использовать «раздробленность» систем ИИ-инфраструктуры, которая заставит контрагентов выбирать между американскими и китайскими решениями. Страны Глобального Юга уже стоят перед выбором или сотрудничества с Китаем в рамках «Цифрового Шелкового пути», или присоединение к США в рамках «Партнерства в области глобальной инфраструктуры и инвестиций G7». Существует реальный риск, что такая кооперация в конечном итоге «запрёт» государства-реципиенты в «золотых цифровых клетках», куда легче войти, нежели выйти[1].

Связкой между двумя тенденциями видится «дипломатия открытого кода», которая, с одной стороны, подразумевает широкое распространение китайских моделей по миру (центробежная тенденция), а с другой — нацелена на формирование ИИ-партнерств по китайским правилам (центростремительная). Для Китая результаты обеих указанных тенденций весьма важны, но по-разному: центробежная — для повышения мирового политико-экономического авторитета страны, особенно в ГЮ, а центростремительная — для поддержания национальной безопасности. Оптимальные учет и сочетание обоих трендов станут мерилом мастерства дипломатии и государственного управления Китая.

Достижение технологической независимости в первую очередь требует защиты и продвижения «собственных» *high-tech* возможностей, для чего полезно формирование поддерживающей среды в лице дружественных партнерств. Новая организация — *WAICO,* похоже, призвана распространить кооперационный потенциал КНР на внешнюю инфраструктуру искусственного интеллекта. В случае успеха она может стать «витриной» ИИ-дипломатии Китая.

Выводы

1. Успехи в развитии ИИ рассматриваются Пекином как механизм утверждения и распространения китайской модели глобализа-

[1] *Mahrenbach L., Mayer M.* U.S.-China Digital Fragmentation Is Putting the World in a Bind // *WPR.* 07.01.2025. URL: https://www.worldpoliticsreview.com/digital-fragmentation-tech-politics/?one-time-read-code=34800817856725289876 9 (accessed: 10.08.2026).

ции, опирающейся на две, казалось бы, разнонаправленные установки — самодостаточность и внешнеэкономическая открытость. Китайская ИИ-дипломатия имеет своей целью не только снижение зависимости Китая от иностранных технологий, но и зависимости от западной политико-экономической модели как таковой. Это создает предпосылки для того, чтобы воспользоваться китайским опытом в своих интересах.

2. Китайская ИИ-дипломатия направлена в первую очередь на усиление влияния страны в странах Глобального Юга, усиление роли КНР в формировании международных правил и стандартов в сфере ИИ. Это очерчивает элементы конкуренции с российской политикой, предполагающей рост соответствующих возможностей РФ на международной арене. Однако это не должно препятствовать координации политики двух стран в сфере ИИ.

3. Китай и Россию сближает то обстоятельство, что обе страны придерживаются стратегии экономической самодостаточности, в том числе и в сфере искусственного интеллекта. В двустороннем сотрудничестве России следует с пониманием отнестись к тому, что Китай, как и сама РФ, заинтересован в сохранении критически важных технологий, промышленных экосистем и стратегических достижений в рамках собственной программы развития.

4. Поскольку дедолларизация мировой экономики идет неспешно, то для ее продвижения видится полезным привлечение возможностей ИИ. Благодаря применению ИИ для облегчения торговых расчетов, работы платежных систем и валютного сотрудничества, создание параллельной системы «доллар + множество валют» может быть ускорено, что отвечает интересам РФ.

5. Небезынтересен опыт Китая как по инкорпорированию темы ИИ в активность уже действующих международных структур, так и по учреждению новых специализированных форматов (*WAICO)*. Создание «собственной» кооперационной среды в сфере ИИ видится актуальным, безотлагательным, стратегически важным направлением работы РФ.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.94.55.014

М.С. Воробей

ОБ ОПЫТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ КИТАЯ В АФГАНИСТАНЕ

Аннотация. Программа строительства ГЭС «Багдара» является частью комплекса мер Китая по развитию инфраструктуры в Афганистане и тесно переплетена с другим китайским проектом — по добыче меди на месторождении Мес-Айнак. Возведение новой ГЭС гарантирует консорциуму *MCC-JCL Aynak Minerals Company Ltd* стабильный источник электроэнергии и водного ресурса для обеспечения работ на руднике Мес-Айнак. Однако реализация проекта ГЭС «Багдара» все еще находится на стадии исследовательских работ по ряду причин, среди которых можно выделить проблему безопасности инфраструктурных объектов в Афганистане, отсутствие договоренностей по трансграничным рекам между Пакистаном и Афганистаном, сложную геополитическую обстановку в регионе, а также нехватку и слабую пропускную способность логистических маршрутов.

Ключевые слова: Юго-Западная Азия, КНР, Афганистан, энергетические ресурсы, водные ресурсы, Китайская металлургическая корпорация, ГЭС «Багдара», «Суроби-2», месторождение Мес-Айнак.

Автор: Воробей Максим Сергеевич, младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0005-9048-2908. E-mail: vorobey@iccaras.ru

Vorobey M.S.

On the Experience of Implementing Chinese Investment Projects in Afghanistan

Abstract. The Baghdara Hydropower Plant (HPP) project is part of China's broader infrastructure development initiatives in Afghanistan and is closely linked to another Chinese project: copper extraction at the Mes Aynak deposit. The construction of this new HPP would provide the MCC-JCL Aynak Minerals Company Ltd consortium with a stable source of electricity and water, both essential for operations at the Mes Aynak mine. However, the Baghdara HPP project remains in the preliminary research and feasibility stage. This is due to several factors, including security concerns regarding infrastructure in Afghanistan, the absence of agreements between Pakistan and Afghanistan concerning transboundary rivers, the complex geopolitical situation in the region, and a lack of adequate, high-capacity logistics routes.

Keywords: Southwest Asia, PRC, Afghanistan, energy resources, water resources, Metallurgical Corporation of China (MCC), Baghdara HPP, Surobi-2, Mes Aynak deposit.

Author: Maksim S. Vorobey, Junior Research Fellow, Center for Socio-Economic Studies of China, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0009-0005-9048-2908. E-mail: vorobey@iccaras.ru

Проект ГЭС «Багдара» является гидроэнергетической инициативой, реализуемой Китайской металлургической корпорацией (*Metallurgical Corporation of China*, 中国冶金科工股份有限公司) в провинции Каписа в Афганистане. Сооружение плотины планируется в горах, возле устья реки в Панджшерском ущелье (район Кохи-Сафи, провинция Парван), находящемся на территории водоразделов Горбанд и Панджшер, выше по течению р. Кабул, где располагается крупнейшая в Афганистане ГЭС «Наглу», и напрямую связано с ходом осуществления проекта месторождения Мес-Айнак. ГЭС Багдара обеспечит электроэнергией провинции Кабул, Парван, Каписа и Панджшер, а также усилит мощности ГЭС «Наглу», «Суроби—1» в районе р. Кабул[1]. Планируемая мощность ГЭС: 250—300 МВт[2].

[1] Investment Opportunities in Energy Sector in Afghanistan // *1st Energy Investment Forum*. URL: https://www.carecprogram.org/uploads/2016-EIF-Presentation-Session1-AFG-1.pdf (accessed: 05.08.2026).

[2] Bagh Dara Dam; A Symbol of Afghanistan's Energy Self-Sufficiency // *Ava*. URL: https://www.avapress.com/en/report/312881/print/bagh-dara-dam-a-symbol-of-afghanistans-energy-self-sufficiency (accessed: 07.08.2026).

ГЭС «Наглу», крупнейшая в Афганистане, не удовлетворяет необходимым для реализации проекта месторождения Мес-Айнак требованиям по ряду причин: 1) недостаточная мощность (100 МВт[1]; тогда как ГЭС «Багдара» должна предоставить 250—300 МВт); 2) перегруженность (вырабатывает большую часть электроэнергии для Кабула; перегрузка приведет к коллапсу в столице). Строительство новой ГЭС будет способствовать высвобождению имеющихся мощностей для решения текущих задач. В качестве дополнительной ГЭС для снабжения энергией месторождения Мес-Айнак планируется также постройка ГЭС «Суроби—2» мощностью в 180 МВт.

В отличие от месторождения Мес-Айнак, контракт на освоение которого был подписан с Китайской металлургической корпорацией еще в 2008 г., проект ГЭС «Багдара» является новым: его проработка началась совсем недавно. Ключевым событием стало подписание 1 декабря 2024 г. соглашения между Министерством водных ресурсов и энергетики Афганистана и консорциумом *MCC-JCL Aynak Minerals Company Ltd.*[2] (выступающей подрядчиком и по проекту Мес-Айнак), предусматривающего проведение технического и экономического обоснования работ, а также комплекса геотехнических исследований[3]. Индикатором высокого политического веса проекта можно считать участие в церемонии подписания посла КНР в Афганистане Чжао Сина, что подчеркивает официальный интерес китайского руководства к данному направлению сотрудничества.

История и хронология проекта

В 2016 г. руководство Афганистана оценивало стоимость строительства плотины в 560 млн долл.[4] и рассчитывало на помощь Всемирного банка в его реализации, однако из-за кризиса власти в стране проект не сдвинулся с места.

В августе—октябре 2023 г. состоялись встречи Министерства энергетики и водных ресурсов Афганистана во главе с Абдул Латифом Мансуром с представителями турецких компаний *SKM и BIOS Energy*

---

[1] ГЭС Наглу // *Гидропроект*. URL: https://gidroproekt.uz/#/project/гэс-наглу (дата обращения: 13.08.2026).

[2] Сокр. MJAM.

[3] 中国与阿富汗签署水电项目合作协议 // 新华网 [Чжунго юй афухань цяньшу шуэйдянь сянму хэцзо се'и // Синьхуа ван, «Китай и Афганистан подписали соглашение о сотрудничестве по проекту в гидроэнергетике» // Агенство Синьхуа]. URL: https://www.news.cn/world/20241202/9de68f3b77a74e50827ca2e53ccbff70/c.html (дата обращения: 07.08.2026).

[4] Taliban sign feasibility agreement for Baghdara Dam with Chinese contractor // *Amu TV*. URL: https://amu.tv/140797/ (accessed: 06.08.2026).

Company, в ходе которых турецкая сторона выразила готовность начать инвестиции в строительство ГЭС «Багдара» и «Суроби—2»[1]. Однако конкретных действий и контрактов зафиксировано не было.

В апреле 2024 г. талибы предложили Китайской металлургической корпорации (*Metallurgical Corporation of China Limited*, 中国冶金科工股份有限公司) и консорциуму *MJAM*, с которыми подписан контракт по месторождению Мес-Айнак (в 2008 г. и продление в 2025 г.), использовать мощности ГЭС «Багдара» для ускорения проекта по добыче меди на месторождении Мес-Айнак. В декабре 2024 г. было подписано соглашение между Китайской металлургической корпорацией и властями Афганистана о проведении необходимых для строительства плотины исследований (срок — 8 месяцев)[2]. В мае 2025 г. глава Минводэнерго Талибана Абдул Латиф Мансур и посол КНР Чжао Син обсудили ход проведения технических и геологических исследований и подтвердили продолжение исследовательских работ. В сентябре 2025 г. в открытом доступе появилось «Уведомление о проведении открытой процедуры запроса предложений на закупку буровых установок для проекта ГЭС «Багдара» в Афганистане» от китайской компании *PowerChina* (*Чжунго дяньцзянь*, 中国电建)[3]. В октябре Министерство энергетики и водных ресурсов Афганистана отчиталось о завершении изыскательских работ по строительству ГЭС[4].

В июле 2026 г. консорциум *MJAM* подписал Меморандум о взаимопонимании с Министерством энергетики и водных ресурсов Афганистана, однако «полевых работ» по строительству ГЭС, помимо ис-

---

[1] A Coordination Meeting Was Held With Officials From SKM Turkish Company // *MEW*. URL: https://www.mew.gov.af/en/coordination-meeting-was-held-officials-skm-turkish-company (accessed: 09.08.2026).

[2] 中国与阿富汗签署水电项目合作协议 // 新华网 [Чжунго юй афухань цяньшу шуэйдянь сянму хэцзо се'и // Синьхуа ван, «Китай и Афганистан подписали соглашение о сотрудничестве по проекту в гидроэнергетике» // *Агентство Синьхуа*]. URL: https://www.news.cn/world/20241202/9de68f3b77a74e50827ca2e53ccbff70/c.html (дата обращения: 07.08.2026).

[3] 中国电建水电十一局阿富汗巴格达拉水电站项目潜孔钻机采购项目公开询比采购公告 // 乙方宝 [Чжунго дянь цзянь шуэйдянь ши'и цзюй афухань багэдала шуэйдяньчжань сянму цянькун цзуаньцзи цайгоу сянму гункай сюнь би цайгоу гунгао // И'фан бао, «Уведомление о проведении открытого запроса котировок на закупку буровых установок для проекта ГЭС «Багдара» в Афганистане, осуществляемого 11-м управлением гидроэнергетического строительства компании PowerChina» // *Драгоценность подрядчика*]. URL: https://www.yfbzb.com/inviteBid/detail/20250925_541121082.html (дата обращения: 07.08.2026).

[4] 卡比萨省巴格达拉大坝项目完成勘探 // 国复咨询 [Кабиса шэн багэдала даба сянму ваньчэн каньтань // Гофу цзысюнь, «Завершены изыскательские работы по проекту дамбы Багдара в провинции Каписа» // *Консалтинг Гофу*]. URL: https://news.goalfore.cn/latest/detail/93640.html (дата обращения: 07.08.2026).

следовательских, пока не ведется. Таким образом, первоначальный срок изучения геологических и технических вопросов растянулся практически на два года.

Китайская сторона не спешит приступать к реализации проекта, что обусловлено как внешними факторами (вооруженные столкновения Афганистана и Пакистана), так и внутренними причинами: власти Афганистана не могут обеспечить гарантии безопасности и стабильности проведения работ на месте. Не решены и проблемы с логистикой и инфраструктурой (вопрос строительства дороги в Ваханском коридоре).

Заинтересованность Китая

Понятно, что причины заинтересованности Китая в строительстве ГЭС «Багдара» объясняются необходимостью реализации самого масштабного экономического проекта КНР в ИЭА — разработкой месторождения Мес-Айнак.

ГЭС «Багдара» является критически важным инфраструктурным сооружением для начала добычи на медном руднике Мес-Айнак, который является флагманским в рамках сотрудничества Китая и Афганистана. Провал в реализации данного проекта может привести к потере репутации и позиций Китая в регионе. Полноценная разработка медного месторождения Мес-Айнак невозможна без стабильной электричества и воды. ГЭС «Багдара» мощностью 250—300 МВт должна решить эту проблему, обеспечив осуществление в Мес-Айнаке двух проектов, объединенных в единый производственный комплекс, в результате которых Китай сможет получить доступ к стратегически важному для страны сырью (меди) и диверсифицировать его поставки, снизив зависимость от рынков Южной Америки, Азии и Африки.

Деятельность КНР в ИЭА направлена на то, чтобы занять выгодные экономические ниши, открывающие возможности не только для получения необходимого сырья, но и для расширения существующих китайских торговых маршрутов и развития новых. Инвестиции в инфраструктуру Афганистана являются демонстрацией политики «мягкой силы», создавая благоприятный фон и для других потенциальных проектов. Успешная реализация ГЭС «Багдара» укрепит позиции КНР как надежного партнера и создаст пример для других стран-соседей в регионе. Расчет на то, что они предоставят Китаю широкомасштабный доступ к своим ресурсам, в результате чего Китай займет ключевые позиции в экономике стран, отношения с которыми руководство

КНР строит в рамках концепции «периферийной дипломатии» (*чжоубянь вайцзяо*, 周边外交). Успех китайских инфраструктурных проектов будет способствовать укреплению геополитического и стратегического положения КНР в регионе и затруднит «вход» для других игроков.

Однако в «рисуемой» китайским руководством ситуации *win-win* для всех участников, безусловно, возрастает зависимость от главного подрядчика, которому достанется главная выгода. Кроме того, появляется механизм экономического давления, создавая для стран с нестабильной экономикой ситуацию безысходности.

Китай, реализуя проект Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) и являясь одним из ключевых экономических партнеров Пакистана, заинтересован в стабильности ИЭА, так как соединение существующих и создание новых торговых маршрутов через Афганистан снизит логистические издержки. Однако афгано-пакистанский конфликт, в котором Китай выступает медиатором, тормозит большинство возможных инфраструктурных проектов. Строительство ГЭС «Багдара» не является исключением. Река Кабул — не только важный энерго-водный объект для Афганистана, на котором располагается крупнейшая в стране ГЭС «Наглу», но и источник электроэнергии для Пакистана. Строительство плотин на трансграничных реках традиционно вызывает озабоченность у стран-соседей. Участие Китая в строительстве новой ГЭС создает возможность для многостороннего диалога и снижения напряженности, превращая потенциальный конфликт в площадку для регионального сотрудничества, однако в последнее время «язык дипломатии» в треугольнике Афганистан—Китай—Пакистан не демонстрирует значительных успехов, а только отодвигает срок появления нового конфликта.

Для Афганистана строительство новой ГЭС предоставит надежный источник электроэнергии, которой критически не хватает стране (более 60 % электроэнергии импортируется из стран Центральной Азии), возможность для развития горнодобывающей промышленности, инфраструктуры, создание новых рабочих мест. Таким образом, успех ГЭС «Багдара» повысит привлекательность страны для новых инвесторов.

Вызовы

К ключевым проблемам в осуществлении проекта ГЭС «Багдара» относятся:

1) Безопасность

Внутренняя ситуация в Афганистане остается нестабильной. Сохраняются угрозы со стороны различных группировок, включая «Ви-

лают Хорасан»[1], а также внутренние противоречия внутри самого движения талибов. Фракционный раскол Кандагара и дохийской группы во главе с Хаккани создает дополнительные риски для долгосрочных инвестиционных проектов. В то время как Кандагар рассматривает Китай в качестве важнейшего партнера, сторонники Хаккани опасаются возрастающей роли Пекина.

Внутреннее политическое противостояние внутри движения «Талибан» создает серьезные проблемы для китайских партнеров. Вопрос гарантий безопасности китайских инфраструктурных объектов остается механизмом внутриполитической борьбы в Афганистане.

2) Инфраструктура

Строительство ГЭС «Багдара» в горной местности, логистика поставок оборудования, включая закупку компонентов через Китай, представляют собой сложные инженерные задачи. Кроме того, отмечаются случаи непонимания и критики проекта со стороны внешних наблюдателей, что требует дополнительных пропагандистских усилий.

Главная проблема инвестиционных проектов КНР в ИЭА заключается в нехватке эффективно функционирующей инфраструктуры. На данный момент есть два ключевых логистических маршрута: 1) открытый в феврале 2025 г. прямой железнодорожный маршрут Чунцин (Китай)—Алтынколь (Казахстан)—Галаба (Узбекистан)—Хайратон (Афганистан)[2]; 2) автомобильная дорога через Ваханский коридор, о завершении строительства основной части которой афганская сторона заявила в 2026 г.[3] Завершение строительства прямого маршрута через Ваханский коридор позволит Китаю перейти к более активной фазе строительства ГЭС «Багдара» и освоения месторождения Мес-Айнак, однако развитие железнодорожных путей является более приоритетным: здесь ниже издержки на логистику, быстрее срок доставки и более высокий показатель пропускной способности.

3) Технические вопросы

Особенности горной местности и отсутствие сопутствующей инфраструктуры, которая обеспечила бы бесперебойную поставку необ-

---

[1] Признано в РФ террористической организацией и запрещено.

[2] 重庆首次开行直达阿富汗的中亚班列 // 新华网 [Чунцин шоуцы кайсин чжида афухань дэ чжун'я баньле // Синьхуа ван, «Чунцин впервые запустил прямой поезд через Центральную Азию в Афганистан» // *Агентство Синьхуа*]. URL: https://www.xinhuanet.com/20250210/6ead404d3191441fa7bdcf334d76a21b/c.html (дата обращения: 07.08.2026).

[3] Afghanistan, China connected via Wakhan road: Mansour // *Pajhwok Afghan News*. URL: https://pajhwok.com/2026/05/17/afghanistan-china-connected-via-wakhan-road-mansour/ (accessed: 13.08.2026).

ходимых для строительства ГЭС ресурсов, затрудняют сооружение объекта. Сроки проведения технических и геологических исследований все время сдвигаются, на момент августа 2026 г. китайская сторона по-прежнему не перешла к практической фазе.

4) Геополитические проблемы

Нельзя не учитывать комплекс взаимосвязанных ограничений, выходящих за рамки инженерно-технических трудностей. Их совокупность формирует среду неопределенности, в которой каждый внешний фактор влияет на другой.

Отсутствие международного признания правительства Афганистана ограничивает действия китайских корпораций, закрывает доступ к финансированию со стороны МВФ, Всемирного банка и др., делая невозможным привлечение крупных инвестиционных ресурсов на стабильных условиях.

Китай занимает двойственную позицию: формально воздерживаясь от признания, Пекин развивает практические контакты (вплоть до назначения посла в Кабуле). Однако такая тактика, хотя и подтверждает фактор присутствия КНР в ИЭА, несет для китайской стороны репутационные издержки и ставит китайские инвестиции в зависимость от внутриафганской политической конъюнктуры.

Вопрос водных ресурсов усугубляется отсутствием двустороннего договора между Афганистаном и Пакистаном, регулирующего использование трансграничных рек. Данный юридический вакуум порождает риск односторонних действий со стороны Афганистана, который руководство в Исламабаде расценивает как прямую угрозу своей водной безопасности и независимости. Пакистан последовательно увязывает вопрос о строительстве плотины с требованием прекратить укрывательство боевиков, превращая гидроэнергетический проект в инструмент принуждения и давления. Таким образом, ГЭС «Багдара» оказывается между «двух огней»: сотрудничество с Китаем (и существующие прения) и непрекращающийся военный конфликт с Пакистаном.

Геополитический контекст обостряется вовлеченностью Индии. Сообщения о поддержке проекта со стороны Нью-Дели[1] придают ему характер индо-пакистанского противостояния, где ГЭС превращается из экономического актива в рычаг давления на страны региона.

[1] Pakistan Stands Firm Against India-Afghan Water Alliance // *GTV News*. URL: https://gtvnewshd.com/pakistan/2025/10/25/pakistan-stands-firm-against-india-afghan-water-alliance/ (accessed: 13.08.2026).

Индия, действуя через укрепление сотрудничества с властями Афганистана, получает возможность влиять на водный баланс р. Инд, что напрямую затрагивает критически важные интересы пакистанской стороны. Данное противостояние превращает вопрос строительства ГЭС «Багдара» из плоскости внутриафганской в борьбу за стратегические позиции международных акторов и геополитическое влияние в Южной и Западной Азии.

5) Финансирование

Изначально проект ГЭС «Багдара» планировался в рамках традиционной модели международного финансирования. В 2016 г. его стоимость оценивалась в 560 млн долл. США, а основным инвестором должен был выступить Всемирный банк. Однако смена власти в Афганистане в августе 2021 г. привела к резкой смене курса — западные инвесторы заморозили финансы страны и прекратили финансовую помощь.

Ключевой проблемой текущего этапа инвестирования в Афганистане является непрозрачность финансовых потоков. Нынешние власти не раскрывают ни источники покрытия текущих расходов, ни структуры затрат, ни условия возможных контрактов. Это не только подрывает доверие потенциальных инвесторов, но и делает невозможным объективный подсчет прогнозируемой прибыли, а также создает почву для завышения смет и нецелевого использования средств, ставя вопросы о коррумпированности властей на местах.

Первой крупной договоренностью в сфере энергетики между Китаем и правительством «Талибан» после 2021 г. был проект по добыче нефти и газа в бассейне р. Амударья. Контракт, подписанный в январе 2023 г. на сумму в 540 млн долл. США ежегодно[1], должен был стать флагманским проектом китайско-афганского сотрудничества в углеводородной сфере. Однако в июне 2025 г. контракт был расторгнут афганской стороной, обвинившей Китай в нарушении и неисполнении контрактных обязательств[2]. Сегодня добыча продолжается силами афганских частных компаний, а руководство страны активно ищет новых партнеров, включая Россию. Для Китая разрыв контракта означает не только упущенную возможность закрепиться в афганском нефтегазовом секторе, но и создает прецедент для других проектов КНР в ИЭА.

---

[1] Афганистан и Китай будут добывать нефть в бассейне Амударьи // *Gazeta News*. URL: https://www.gazeta.uz/ru/2023/01/06/oil/ (дата обращения: 05.08.2026).

[2] Afghanistan Terminates Oil Extraction Contract with Chinese Company // *DIDPress*. URL: https://en.didpress.com/16628/ (accessed: 12.08.2026).

Китайская металлургическая корпорация уже инвестировала в проект Мес-Айнак более 430 млн долл.[1], не получив по состоянию на 2026 г. никакой отдачи. Любое дополнительное финансирование строительства ГЭС «Багдара» может привести к росту общего объема капиталовложений, ставя вопрос о рентабельности. В результате проект ГЭС «Багдара» из энергетического актива и помощи в разработке месторождения Мес-Айнак может перерасти в «долговую ловушку».

Наличие всех перечисленных вызовов создает системную неопределенность: проект блокируется одновременно по финансовым, правовым, двусторонним и региональным каналам. Без решения хотя бы одного из этих пунктов (как минимум, водный договор между Афганистаном и Пакистаном) строительство ГЭС «Багдара» рискует остаться инструментом прений для геополитических игроков в регионе и очередным «стопором» в китайско-афганских отношениях.

Заключение

Проект «Багдара» сталкивается не просто с техническими и финансовыми трудностями, а с ситуацией, обусловленной комплексом проблем. Несмотря на меморандум, подписанный в июле 2026 г. консорциумом *MJAM* с Министерством энергетики и водных ресурсов Афганистана, преодоление этих препятствий потребует исключительных усилий и будет длительным. Крепкая дипломатическая связь двух политических субъектов и статус Китая как одного из ключевых экономических партнеров еще не говорят о китайском «засилье» в стране, а китайские проекты в большинстве случаев пока не перешли грань между договоренностями на бумаге и практической реализацией.

Осуществление проекта ГЭС «Багдара» сталкивается с системными препятствиями. Афганистан расположен в верховьях трансграничных рек, что обостряет конфликты со странами-соседями, в частности с Пакистаном. Проекты, реализуемые на стратегически важных водных ресурсах (на р. Панджшер), способны спровоцировать новую волну дипломатической напряженности.

Ситуацию усугубляют нехватка инвестиционных потоков и коррупция на местах, в связи с чем перспективы финансирования остаются неопределенными.

[1] Mes Aynak Copper Project Nears Launch After Years of Delays // *TOLOnews*. URL: https://tolonews.com/afghanistan-195227 (accessed: 10.08.2026).

Обстановка в сфере безопасности также крайне неоднозначна. Несмотря на то, что на сегодняшний день нет сообщений о терактах, направленных непосредственно против ГЭС «Багдара», объекты, финансируемые Китаем в соседних районах, неоднократно подвергались нападениям.

Успех самого крупного инвестиционного проекта по добыче меди на месторождении Мес-Айнак напрямую связан с возможностью реализовать строительство ГЭС «Багдара» и «Суроби—2», которые жизненно необходимы для проведения комплексных и сложных технических работ на объекте и строительства соответствующей инфраструктуры на месте для создания уже готового продукта. Объект ГЭС «Багдара» в дальнейшем может быть связан с проектом «CASA—100», в ходе которого строительство афганского участка должно быть завершено к 2027 г.

Строительство ГЭС «Багдара» — один из самых значимых проектов для Китая, так как целый комплекс инвестиционных проектов в Афганистане важен для развития новейших секторов промышленности КНР. Поэтому Китай будет лавировать между интересами разных сторон, однако в связи с борьбой афганских группировок за власть не исключена вероятность переориентации на сотрудничество ИЭА с мусульманскими странами, например, Турцией и Ираном, который стал ключевым торговым партнером Афганистана в 2026 г., оставив позади лидировавший Пакистан. Полного разрыва связей Китая и Афганистана не прогнозируется, так как без китайской стороны Афганистан не способен стать логистическим «хабом», к статусу которого он активно стремится. Скорее всего, китайские проекты в стране еще длительный период будут носить вялотекущий характер, что открывает новые ниши для сотрудничества Афганистана с другими странами, например с Россией.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.35.71.015

К.В. Асмолов

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНСТИТУЦИИ КНДР

Аннотация. В мае 2026 г. министерство по делам воссоединения Южной Кореи провело брифинг, на котором журналисты и эксперты были ознакомлены с поправками в конституцию КНДР, принятыми в текущем году. Зафиксированы окончательный отказ от парадигмы воссоединения, избавление от некоторых элементов традиционной риторики и усиление власти первого лица. В целом поправки отражают процессы обновления идеологии и административной системы, начавшиеся в 2023 г. и продолжившиеся на Девятом съезде Трудовой партии Кореи и последующей сессии Верховного народного собрания страны.

Ключевые слова: Конституция КНДР, Ким Чен Ын, межкорейский диалог, внутренняя политика КНДР.

Автор: Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32).ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@iccaras.ru; kvasm@mail.ru

Asmolov K.V.

Amendments to the Constitution of the DPRK

Abstract. On May 6, 2026, the Ministry of Reunification of South Korea held a briefing where journalists and experts were introduced to the amendments to the Constitution of the DPRK adopted this year. The final

rejection of the reunification paradigm, the elimination of some elements of anachronistic rhetoric, and some strengthening of the power of the first person are recorded. In general, the amendments reflect trends in the modernization of ideology and the administrative system, which began in 2023 and were developed at the Ninth Congress of the Workers' Party of Korea and the subsequent session of the Supreme People's Assembly of the country.

Keywords: Constitution of the DPRK, Kim Jong-un, inter-Korean dialogue, domestic policy of the DPRK.

Author: Konstantin V. Asmolov, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Korean Studies Center, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: asmolov@iccaras.ru; kvasm@mail.ru

6 мая 2026 г. министерство по делам воссоединения Республики Корея представило текст новой редакции Конституции КНДР с внесенными в нее поправками. Официальный вариант текста пока не опубликован, тем не менее на основе того, что попало в открытые источники, можно сделать ряд предварительных выводов.

В целом комплекс поправок отражает процессы трансформации идеологии и политической системы КНДР, отмеченные на Девятом съезде Трудовой партии Кореи и последующей сессии Верховного народного собрания.

Границы, соответствующие реальным

В конце 2023 г. КНДР отказалась от риторики «объединения родины» и объявила о существовании на Корейском полуострове двух враждебных государств, а вместо термина «Южная Корея», который де-факто звучал как «южная часть КНДР» (Нам Чосон), для обозначения РК стали использовать ее официальное самоназвание (Хангук). Эксперты ожидали, что со временем новые установки будут закреплены в Конституции. На «реалистичный» вариант определения границ указывала и смена символики: на ряде символов и логотипов вместо изображения всего полуострова появилось изображение КНДР в ее нынешних сухопутных границах.

В этом контексте вполне ожидаемо то, что территория страны теперь указана по ее фактическим границам 1953 года. В статье 2 новой конституции определено, что Корейская Народно-Демократическая Республика на севере граничит с Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, а на юге — с Республикой Корея. Исчезли

как статья 9, которая провозглашала стремление КНДР к воссоединению на основе принципов независимости, мирного объединения и великого национального единства, так и любые пассажи о «мирном объединении»[1].

Кроме того, хотя Ким Чен Ын не раз подчеркивал, что Юг — это враг номер один и Пхеньян не будет коммуницировать с Сеулом вне зависимости от того, какая партия там находится у власти, РК как «главного врага» в конституцию страны все-таки не включили. Хотя в новой конституции подчеркнуто, что КНДР не допустит нарушения своих границ.

Однако в тени остается важный момент: описаны сухопутные, но не морские границы, при том что границу в Желтом море, проведенную Югом в одностороннем порядке, Север активно оспаривает, и в нынешнем веке большая часть реальных стычек проходила именно там.

На такое фундаментальное изменение администрация президента РК заявила, что внимательно изучит изменения в конституции КНДР. Как заявили в Голубом доме, «правительство проведет всесторонний анализ деталей, связанных с пересмотром конституции Северной Кореи» и, основываясь на результатах этого анализа, «будет последовательно проводить свою политику мирного сосуществования на Корейском полуострове».

Южнокорейские эксперты заявили также о том, что поправки к основному закону КНДР заложили основу для «мирного сосуществования» между двумя Кореями. Это уже не первый раз, когда южнокорейская сторона демонстрирует завышенные ожидания: как только в ответ на какой-то южнокорейский шаг северяне не используют обсценную лексику, южнокорейские чиновники и эксперты начинают рассуждать о том, что это свидетельствует о потенциальной готовности Пхеньяна к диалогу и мирному сосуществованию и желанию идти навстречу мудрой стратегии президента Ли. После этого удивленные такой реакцией северяне дают жесткую отповедь.

Однако в данном случае речь может идти о другом. То, что Южная Корея не определена как главный враг на уровне конституции, снимает вопрос о том, что делать с этим главным врагом, ибо теоретически объявление врагом № 1 предполагает разгром и уничтоже-

[1] Напомним, что Конституция РК все еще определяет территорию страны как весь полуостров. КНДР не признается как отдельная страна, именно потому межкорейские дела курирует не МИД, а специально созданное министерство по делам воссоединения.

ние. Северяне же неоднократно подчеркивали, что признание факта существования на полуострове двух враждебных государств не тождественно курсу на «Вторую корейскую войну»: скорее Север подчеркивает нежелание иметь дела с Югом, устанавливая режим «немирного сосуществования». Кроме того, это позволяет Пхеньяну иметь определенное пространство для маневра.

Избавление от архаики?

Наибольший ажиотаж в левых кругах РК вызвало то, что «Социалистическая конституция КНДР» теперь стала просто конституцией. Кроме того, из преамбулы и текста Конституции были исключены как идеологическая риторика («империалистические агрессоры», «освобождение от эксплуатации и угнетения», «деструктивные происки внутренних и внешних враждебных элементов» и т. п.), так и оторванные от реальности социалистические формулировки («полная победа социализма» «бесплатное медицинское обеспечение», «страна без налогов», «страна, где отсутствует безработица» и др.). В частности, вместо отдельной статьи об упразднении налоговой системы, в новой конституции присутствует пассаж о направлении всех материальных благ на благосостояние народа. Аналогично была переформулирована Статья 22, которая ранее гласила, что государство обеспечивает зажиточные и цивилизованные условия жизни народа. В новой редакции говорится лишь о том, что государство стремится обеспечить такие условия.

На наш взгляд, новый блок поправок в конституцию указывает на желание избавиться от тех элементов риторики и идеологии, которые были адекватны своему времени, но сегодня морально устарели. Ким Чен Ын, который родился в 1982 г., возможно, чувствует это. Именно поэтому из названия конституции убрали слово «социалистическая» (при том, что в преамбуле остается пассаж о том, что КНДР является «социалистическим государством, в центре которого стоят народные массы»). Убрали также избыточные славословия в адрес Ким Ир Сена и Ким Чен Ира (что не сопровождается заменой на славословия в адрес нынешнего лидера — преамбула в целом была сокращена).

Что же касается системы социальной поддержки, то де-факто она прекратила существование уже после «Трудного похода» (то есть 30 лет назад). С учетом довольно жестких высказываний лидера КНДР о разнице между центром и периферией, необходимости модернизировать производство медикаментов и медицинского оборудования

и т. п. новые формулировки выглядят признанием реальности и ставят новые задачи.

Список привилегированных или «особо охраняемых» категорий населения при этом расширяется. К инвалидам войны и труда добавлены «герои, ветераны войны, лица, имеющие военные заслуги, почётные военнослужащие, семьи павших героев революции, семьи павших патриотов, семьи павших воинов — участников зарубежной военной операции, заслуженные социалистические патриоты, уволенные в запас генералы и старшие офицеры, семьи военнослужащих Народной армии».

Новые возможности первого лица

В новой конституции КНДР полномочия Ким Чен Ына были усилены: Председатель Государственных дел был назван главой государства, а посвященный ему раздел находится в начале главы об органах управления (на первом месте было Верховное народное собрание, а Госсовет и его председатель — на втором).

«Глава государства», на наш взгляд, более прямая формулировка, чем та, которая дана в статье 100 Конституции образца 2019 г., где Ким Чен Ына называли «верховным руководителем КНДР, представляющим государство». При этом заявления некоторых экспертов о том, что «Конституция также повысила статус и власть лидера КНДР, председателя комиссии по государственным делам, назначив его «главой государства» и впервые поставив его выше Верховного народного собрания», некорректны. Речь идет лишь о более ясной формулировке.

Важнее то, что, если ранее Верховное народное собрание теоретически могло отозвать Председателя государственных дел, теперь такой возможности нет. Зато Председатель получил право накладывать вето на законы и постановления, принятые Верховным народным собранием (если они не соответствуют развитию государства и запросам народа), а также назначать и смещать председателя Верховного народного собрания, Премьера кабинета министров и иные кадры, а равно отзывать депутатов, утративших доверие народа. Кроме того, Глава государства теперь может издавать указы.

Однако об ослаблении законодательной власти тоже говорить нельзя. Верховное Народное Собрание теперь может назначать и освобождать Генерального Прокурора, избирать и отзывать Председателя Верховного Суда и заслушивать отчёты всех ключевых органов.

В межсессионный период Президиум ВНС может руководить работой местных Народных комитетов.

С учетом того, что южнокорейский случай противостояния исполнительной и законодательной властей (и тем более аналога импичмента первого лица) на Севере невообразим, новые полномочия главы государства нужно трактовать скорее как знак дальнейшей модернизации административной системы. Если рассматривать КНДР с точки зрения концепции власти по Максу Веберу, то Ким Чен Ын уверенно идет от харизматической модели к институциональной, где важно иметь подробные регламенты даже маловероятных ситуаций.

В преамбуле конституции также опущены упоминания о достижениях и целях предыдущих лидеров страны — Ким Ир Сена и Ким Чен Ира, а «кимирсенизм-кимчениризм» заменен на «политику приоритета народных масс» Ким Чен Ына. В какой мере это отражает начало процесса «выхода из тени отца и деда» — все еще дискуссионный вопрос, но многое из убранного отсылало бы к тематике объединения страны, которая ныне не упоминается, да и в целом текст преамбулы существенно сокращен.

Оборонные вопросы

Ядерный статус страны сохранен, более того, КНДР провозглашается «ответственным ядерным государством». Исключительное право командования ядерными силами закреплено за Председателем государственных дел, хотя делегирование полномочий на их применение государственному органу управления ядерными силами допускается. Это важный момент с учетом международной обстановки и опыта войны на Большом Среднем Востоке.

Целью ядерного сдерживания объявлены «обеспечение права страны на существование и развитие, сдерживание войны и защита мира и стабильности в регионе и во всём мире», что указывает на претензии на роль более глобального актора мировой политики. Кажется существенным и то, что формулировка о защите Центрального комитета партии во главе с вождём заменена на задачу защиты государственного суверенитета, территориальной целостности и прав народа. Армия становится армией страны, а не армией партии.

Другие дополнения и нововведения

• Внешнеполитический курс нацеливается на «защиту государственных интересов» и «единение с народами, стремящимися к самостоятельности и справедливости».

• В соответствии с новой политикой развития периферии экономический раздел дополняется положением о самостоятельном и всестороннем развитии городов и уездов, которые должны стать «стратегическими опорными пунктами цивилизованного и могучего социалистического государства», опираясь на местные ресурсы и обеспечивая сбалансированное развитие регионов.

• Подчеркнута необходимость защищать и активно продвигать «пхеньянскую культурную речь», сохраняя национальный колорит языковой жизни. Это довольно важный момент с учетом де-факто складывания на Севере и Юге двух разных стандартов языка и использования этих стандартов в пропаганде и идеологии.

• Усиливается борьба с «явлениями, противоречащими социалистическому образу жизни», ставится задача «формирования революционной и благородной социалистической бытовой культуры». То, что этот момент занесен в конституцию, намекает на определенные сложности.

• Избирательный возраст повышен с 17 до 18 лет, трудовой — с 16 до 17 лет.

• Центральный суд и Центральная прокуратура снова переименованы в Верховный Суд и Верховную Прокуратуру, функции которой, в отличие от РФ или РК, сочетают «надзор за соблюдением законности и уголовное преследование».

• Уточнена пропорция государственного флага — 1:1,65 вместо 1:2.

В целом упомянутые поправки вполне соответствуют процессам и трендам, заложенным с 2023 г. Это отказ от парадигмы разделенной страны, модернизация административной системы, избавление от риторики прошлых времен в пользу формулировок, более адекватных текущей реальности. Однако более подробный разбор возможен только при изучении авторизованного оригинала.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.56.52.016

С.В. Лавров

О ВОЗМОЖНОМ УСИЛЕНИИ ВЛИЯНИЯ РОССИИ НА РАЗВИТИЕ ОБСТАНОВКИ В МОРСКИХ АКВАТОРИЯХ АЗИИ

Аннотация. В мировой политике в настоящее время превалируют конфронтационная риторика и стремление решить проблемы силовым путем. Вместе с тем очевидно, что долгосрочным интересам развития страны с учетом разворота вектора геоэкономических связей России в страны бассейнов Индийского и Тихого океанов, в наибольшей степени отвечало бы в том числе создание стабильной и спокойной обстановки на морских коммуникациях, способствующей развитию торгово-экономических обменов с ведущими странами-партнерами Азии. Автор предлагает один из возможных вариантов действий России, нацеленный на деэскалацию ситуации в морских акваториях вокруг Азии.

Ключевые слова: поворот (России) на Восток, деэскалация на морях, концепция военно-морской сдержанности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Автор: Лавров Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0009-0003-4151-7540. E-mail: slavrov@iccaras.ru; serg.v.lavrov@gmail.com

Lavrov S.V.

On the Possible Strengthening of Russia's Influence on the Development of the Situation in the Maritime Waters of Asia

Abstract. Currently one observes in world politics sharpening of global power competition, confrontational rhetoric and recourse to force. However, it is obvious that the long-term interests of the country development, taking into account Russia's Pivot to the East and shifting of her geoeconomic ties to the partners in the Pacific and Indian oceans basins require *inter alia* a stable and peaceful situation on the maritime communications enhancing economic intercourse with the leading partners in Asia. The article suggests that one possible option could be steps aiming at naval deescalation in the seas around Asia.

Keywords: Pivot to the East, deescalation at seas, naval restraint concept for Indo-Pacific.

Author: Sergei V. Lavrov, Ph.D. (History), Junior Research Fellow, Center for China Social and Economic Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0009-0003-4151-7540. E-mail: slavrov@iccaras.ru; serg.v.lavrov@gmail.com

В настоящее время обстановка в морских акваториях Тихого и Индийского океанов, прилегающих к континентальной Азии с Востока и Юга (т. е. Азиатско-Тихоокеанского Региона, включая морские пространства около Западной и Южной Азии)[1], продолжает осложняться и характеризуется ростом конфликтного потенциала, усилением следующих неблагоприятных тенденций (помимо постоянной военно-морской активности вокруг Тайваня, а также периодически обостряющихся трений между Китаем и странами АСЕАН относительно спорных морских районов в Южно-Китайском море (ЮКМ):

1. Развязанный США в 2026 г. конфликт с Ираном нанес прямой ущерб геоэкономическим интересам России, серьезно отсрочив перспективы полноценного запуска выгодного для России МТК Север—Юг. Отработка действий ВМС США по блокаде иранских портов и Ормузского пролива создали опасный прецедент, нарушив фундаментальные нормы свободы судоходства. Угроза аналогичного пере-

[1] Данные рамки анализа позволяют учитывать стратегическую, геоэкономическую (в том числе транспортно-логистическую, интеграционную) взаимосвязанность деятельности ведущих держав в этих морских пространствах, вкл. военно-политическое блокирование (например, формат QUAD, офиц. принятие доктрины «Индо-Тихоокеанского региона» США, Индией) и т. д.

крытия критически важного для КНР судоходного пути через ЮКМ и Малаккский пролив (более 30 % мировых морских грузоперевозок) не может не учитываться ни Китаем, ни Россией, вынуждая так или иначе на нее реагировать.

2. Япония — ближайший союзник США в Азии — при правительстве С. Такаити переходит к более агрессивному геополитическому позиционированию, в том числе в АТР[1]. В частности, решение правительств Японии и Филиппин начать переговоры по делимитации их потенциально перекрывающихся морских пространств к востоку от острова Тайвань (ИЭЗ и участки континентального шельфа) создает новые узлы долговременных противоречий с Китаем, рассматривающим данный шаг как пересмотр существующего территориально-правового статус-кво на море. Еще одна линия столкновений вырисовывается в связи с планами Токио выстраивать сети коммуникационно-технологической региональной связанности путем прокладки подводных кабелей в обход Китая, но с активным подключением Тайваня, что, очевидно, будет оспариваться Пекином.

3. Не способствуют снижению напряженности и объяснимые по мотивации ответные действия Китая, жестко реагирующего на попытки любого пересмотра существующего порядка в морских акваториях АТР. При этом сам Китай наращивает свое присутствие вокруг Тайваня и в других спорных районах. Например, демонстративная «патрульная операция» кораблей китайской береговой охраны, т. е. компонента «полицейских сил», а не ВМС как таковых, впервые проведенная к востоку от Тайваня 6—10 июня с. г., также является по сути формой изменения статус-кво в свою пользу путем силового принуждения ниже порога применения военной силы.

4. Существенным негативным фактором, непосредственно затрагивающим морские интересы России и могущим сказаться на ситуации в Тихом океане, стали попытки незаконного захвата странами Евросоюза торговых судов, перевозящих российские товары. Это вынудило Президента В.В. Путина (в ходе посещения Дальнего Востока 13 августа с. г.) сделать резкое предупреждение Западу о «зеркальном

[1] Помимо пересмотра ограничений на применение вооруженных сил, правительство Такаити публично заявило о готовности вмешаться в ситуацию вокруг Тайваня в случае, если Китай прибегнет к силовому решению; в апреле с. г. сняло запрет на поставку всех видов вооружений и военных технологий Японии «дружественным» странам АТР. Неоднозначным выглядит в этом контексте расширение военно-морского сотрудничества Японии с Индией под предлогом совместного «сдерживания» Китая (в частности, разработка системы слежения за подлодками «третьих стран» в Индийском океане).

ответе» со стороны России «там, где мы сами посчитаем это нужным и целесообразным», не исключая и Тихоокеанский регион.

Вместе с тем, помимо угрозы жесткого отпора «пиратству», в распоряжении России есть возможность выдвинуть позитивную стратегию действий, нацеленную на деэскалацию ситуации на морях вокруг Азии. Долгосрочным интересам России с учетом разворота вектора её геоэкономических связей на Восток, в страны бассейнов Индийского и Тихого океанов, в наибольшей степени отвечала бы стабильная и спокойная обстановка на морских коммуникациях, способствующая развитию торгово-экономических обменов с ведущими странами-партнерами этих регионов.

Одним из конкретных шагов в этом направлении могло бы стать *продвижение концепции военной сдержанности* в акваториях Азии, возможно, выработка на этот счет определенного общего многостороннего документа. Россия могла бы выступить в роли интегратора нарабатываемых локальных сдерживающих механизмов и форматов, распространив их на все указанные акватории, например, посредством разработки комплексного всеобъемлющего *кодекса правил* военно-морской сдержанности, релевантного для различных морских районов.

Выдвижение данной инициативы также подчеркнуло бы статус России как самостоятельного, обозначающего собственные приоритеты крупного игрока в формирующейся новой конфигурации системы отношений в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI в. Концепция военно-морской сдержанности в Азии стала бы конкретным элементом реализации предложения Президента России В.В. Путина о создании системы всеобъемлющей безопасности в Евразии.

Политически направленность предлагаемой инициативы подрывала бы посылы США и их партнеров, в том числе внерегиональных (Австралия, страны Евросоюза) о необходимости наращивания военного присутствия в морях АТР, осложняя их действия по проведению политики «сдерживания» КНР и России в мировом океане, попытки использовать в своих интересах неурегулированность споров и отсутствие региональных механизмов деэскалации.

Формулирование Россией политики сдержанности на морских коммуникациях вокруг Азии позволило бы занять позицию, созвучную интересам многих важных для нас партнеров из числа стран АТР. Так, приоритет региональным решениям и форматам поддержания безопасности хорошо перекликается с традиционными предпочте-

ниями стран группы АСЕАН и создаст объективно благоприятную основу для сближения и укрепления диалога России с этим ключевым политико-экономическим полюсом АТР по вопросам безопасности. Кроме того, такой призыв должен импонировать странам Азии, учитывая ощущаемую усталость многих из них от перманентного попадания в тиски американо-китайского противоборства и необходимости постоянно лавировать между этими двумя державами.

При этом *в практическом плане* возможные шаги по ограничению военно-морского присутствия и деятельности предполагали бы в первую очередь снижение уровня активности США и Китая, также и Японии.

Речь могла бы идти об общепризнанных средствах регулирования деятельности ВМС, определенном наборе военно-технических мер доверия на море, таких как ограничение или отказ от проведения учений с боевыми стрельбами вблизи спорных территорий и т. д.

Отдельно следовало бы подтвердить международные нормы свободы судоходства, не прибегать в одностороннем порядке без санкции СБ ООН к морской блокаде международных морских коммуникаций (в качестве дополнительного политико-дипломатического обязательства, связывающего США).

Также было бы полезно предусмотреть механизмы кризисного реагирования, примирения и деэскалация, в том числе через посредников. Такой Кодекс поведения на море способствовал бы повышению предсказуемости поведения сторон и снижению рисков непреднамеренной эскалации.

Кроме того, в рамках предлагаемого многостороннего формата открывался бы повод установить каналы прямой связи между командованиями флотов стран-участниц для оперативного купирования возникающих ситуаций и прояснения намерений сторон.

Выводы и предложения

1. Определяющими для обстановки в морских акваториях Азии остаются действия ведущих держав в логике военно-морского соперничества, прежде всего со стороны США и их союзников, в том числе путем распространения элементов блокового противостояния из Европы в Азию, провоцирование гонки морских вооружений и произвольное применение силы под предлогом «сдерживания» Китая, а также действия самой КНР, имеющей собственные амбиции.

2. Наряду с заявленным предупреждением о военно-морском «зеркальном ответе» со стороны России, в том числе в Тихоокеанском регионе, РФ могла бы выдвинуть инициативу о принятии концепции военно-морской сдержанности в акваториях Индийского и Тихого океанов по контуру Азии с учетом совокупности интересов и задач развития отношений со странами АТР (и Индией) в контексте перемещения лидерства в глобальном экономическом и технологическом развитии в этот макрорегион.

Это позволило бы перехватить инициативу и, если не переломить указанные негативные тенденции, то обозначить собственное видение оптимального для России пути развития ситуации в морских акваториях вокруг Азии, ввести в политико-дипломатический дискурс данного круга стран альтернативную повестку действий по укреплению стабильности и снижению уровня противостояния в соответствующих морских акваториях.

В качестве первого шага можно было бы обсудить подобные идеи с партнерами России по РИК — Китаем и Индией, а также дружественными к России важными региональными участниками — Вьетнамом, членами БРИКС и ШОС: Индонезией, Ираном, Саудовской Аравией, ОАЭ, Пакистаном, а также Оманом и другими странами Персидского Залива.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.67.24.017

О.А. Добринская, С.В. Лавров

О ВОЕННО-МОРСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И ИНДИЕЙ

Аннотация. Японо-индийское взаимодействие в XXI веке получило существенное развитие, выйдя на уровень стратегического особого партнерства. Особый интерес представляют шаги по налаживанию сотрудничества сторон в военной сфере, в том числе перспективы экспорта японской оборонной продукции и технологий в Индию, а также создание двустороннего и многостороннего (в рамках Quad) механизма обмена разведывательной информацией, позволяющего отслеживать передвижение иностранных подводных лодок в АТР и Индийском океане.

Ключевые слова: Япония, Индия, безопасность, Китай, Россия, оборонное и морское сотрудничество.

Авторы: Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32).
ORCID: 0000-0002-5967-366X. E-mail: doa_78@mail.ru

Лавров Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0009-0003-4151-7540. E-mail: slavrov@iccaras.ru; serg.v.lavrov@gmail.com

Dobrinskaya O.A., Lavrov S.V.

On Naval Cooperation between Japan and India

Abstract. Japan—India cooperation has significantly expanded in the 21st century, reaching the level of a strategic special partnership. Military cooperation is a dynamic and promising area of bilateral collaboration. Of particular interest are the steps on promoting military cooperation, i.e. the prospects for exporting Japanese defence products and technologies to India, as well as the creation of a bilateral and multilateral intelligence sharing mechanism within the Quad framework, enabling the tracking of foreign submarine activity in the Asia-Pacific and the Indian Ocean.

Keywords: Japan, India, security, China, Russia, defence and naval cooperation.

Author: Olga A. Dobrinskaya, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-5967-366X. E-mail: doa_78@mail.ru

Sergei V. Lavrov, Ph.D. (History), Junior Research Fellow, Center for China Social and Economic Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0009-0003-4151-7540. E-mail: slavrov@iccaras.ru; serg.v.lavrov@gmail.com

В апреле 2026 г. правительство Японии сняло ограничения на экспорт вооружений и военных технологий в страны, с которыми у Японии есть Соглашения о передаче оборудования и технологий в сфере обороны. В соответствии с этим решением в данные страны допускается экспорт любых вооружений, помимо ранее разрешенных 5 областей нелетального оборудования.

Поскольку с Индией такое соглашение заключено еще в 2015 г., это может создать принципиально новую ситуацию в японо-индийском сотрудничестве в сфере обороны. Решение Токио, в частности, позволяет активизировать военно-техническое и военно-морское взаимодействие между Японией и Индией, в том числе под эгидой Quad, в контексте противодействия усилению Китая в АТР.

Официальный представитель МИД Индии приветствовал отмену ограничений как дающую стимул для развития стратегического партнерства[1]. Индийские оценки резко контрастировали с предостереже-

[1] India welcomes Japan's defence export policy shift, calls it boost to strategic partnership. URL: https://www.aninews.in/news/world/asia/india-welcomes-japans-defence-export-policy-shift-calls-it-boost-to-strategic-partnership20260423181043/ (accessed: 22.10.2026).

ниями по поводу возрождения японского милитаризма, прозвучавшими из Пекина.

Несмотря на то, что отношения с Японией квалифицируются Индией как «особое стратегическое и глобальное партнерство»[1], в ключевой сфере производства и обмена вооружениями двусторонние связи до сих пор не получили заметного развития. Среди причин называют высокую стоимость японской продукции, упор Нью-Дели на налаживание собственного производства вооружений и наращивание их экспорта, а также существовавшие японские ограничения на экспорт оборонной продукции.

Совет по стратегическим и оборонным исследованиям Индии (CSDR) в мае с. г. охарактеризовал решения правительства Такаити как «поворотный момент» в налаживании взаимодействия в оборонной сфере, вплоть до появления перспектив «индийско-японского стратегического сближения»[2]. При этом Японии отводится роль одного из ключевых партнеров Индии в оборонной сфере и поставщиков новейших оборонных технологий.

В условиях усилившегося при Трампе давления США на союзников и партнеров (в торговой сфере и в вопросах обеспечения безопасности) для Индии приобретает дополнительную актуальность задача выстраивания «подстраховки» системы взаимосвязей в сфере безопасности с политически близкими для Нью-Дели региональными партнерами в АТР. Налаживание связей с Токио усиливает тенденцию к диверсификации поставщиков современных систем вооружений Индии, причем в качестве основных партнеров/контрагентов выступают западные страны (Франция) и их союзники в Азии. При этом приверженность Индии установке на «стратегическую автономность» подается как повод ослабить привязку Нью-Дели к традиционному военно-техническому сотрудничеству с Россией.

Наибольшего внимания заслуживает партнерство Индии и Японии *в военно-морской области*, поскольку оно не только напрямую связано с внешними амбициями сторон, но и непосредственно

[1] Японо-индийское сотрудничество по вопросам обороны опирается на целый ряд нормативных документов, начиная с Совместной декларации по безопасности 2008 г. В 2025 г. сферы взаимодействия, предусмотренные Декларацией, была расширены за счет включения вопросов искусственного интеллекта, новых технологий, киберпространства, космической сферы и др.

[2] Tokyo's Defense Export Liberalization and the India-Japan Strategic Convergence. May 12, 2026. Council for Strategic and Defense Research. URL: https://csdronline.com/blind-spot/tokyos-defense-export-liberalization-and-the-india-japan-strategic-convergence/ (accessed: 22.10.2026).

влияет на стратегическую обстановку в азиатско-тихоокеанском регионе.

Индия проявляет интерес к целому ряду новейших образцов японской военно-морской продукции. Тем не менее, единственным проектом в стадии реализации в настоящее время (спустя 10 лет со времени подписания соглашения по ВТС в 2015 г.) является совместное производство мачты с комплексной стеллс-антенной «UNICORN», о котором стороны договорились в ноябре 2024 г. Подобные антенны установлены на современных японских фрегатах класса «Могами», которые Япония предлагает на экспорт. В апреле 2026 г. появилась также информация о том, что Япония предложила Индии наладить на индийских верфях производство данных фрегатов.

По мнению индийских экспертов, оснащение индийских кораблей системами данного типа обеспечит «безупречную совместимость» с кораблями аналогичного класса ВМС Японии и Австралии, что открывает возможность проведения совместных трехсторонних военно-морских маневров и планирования операций на море, а также позволит сократить издержки на материально-техническое обслуживание и ремонт кораблей. Как указывают эксперты CSDR, «такие шаги идут в русле усилий по наращиванию союзнических сил, способных обеспечить региональное сдерживание и укрепить взаимодействие партнеров в Индо-Тихоокеанском регионе».

Интерес индийцев вызывают также новейшие подлодки на литиево-ионных аккумуляторах класса «Taigei». С учетом блокады Ормузского пролива и интенсивного использования средств минирования новым приоритетным направлением кооперации может стать сфера современных средств противоминной борьбы и разминирования. В частности, интерес со стороны Индии вызывает разрабатываемая в Японии совместно с французской компанией Thales система высоко и низкочастотных сонаров для обнаружения и определения класса мин, которая может быть размещена в том числе на борту автономного подводного аппарата противоминной борьбы. Индийцев интересуют и другие наработки в области безэкипажных подводных аппаратов.

Особого внимания заслуживают усилия по созданию двустороннего и многостороннего (в рамках Quad) механизма, позволяющего отслеживать передвижение, как утверждается, китайских ВМС в Индийском океане.

С 2024 г. Япония и Индия взаимодействуют в создании совместной подводной системы слежения[1], в том числе совместимой со средствами обнаружения, которыми оснащены подлодки класса «Taigei». Как и договоренности в рамках Quad (Инициатива по повышению осведомленности о морской зоне Индийско-Тихоокеанского региона 2022 г., Сотрудничество в сфере морского наблюдения в Индийско-Тихоокеанском регионе 2026 г.), такие шаги ведут к формированию механизма взаимодействия радиолокационных разведок и обмена информацией о передвижении иностранных подводных лодок в районе. Это затрагивает и интересы российского флота, осуществляющего патрулирование в Индийском океане.

С 2012 г. проводятся двусторонние военно-морские учения «Джаймекс». В 2023 г. впервые прошли воздушные учения «Веер гардиан», особый интерес к которым вызвал тот факт, что в них с индийской стороны принимали участие истребители СУ-30МКИ, имеющие ряд общих характеристик с китайским истребителем J-16.

Япония и Индия участвуют и в многосторонних учениях: «Малабар», «Ла Пейруз», «Питч Блэк», Япония участвует в проводимых Индией военно-морских учениях «Милан» и воздушных учениях «Таранг шакти». В феврале 2026 г. впервые прошли трехсторонние учения с участием Индонезии в Андаманском море. Таким образом, Япония и Индия повышают уровень оперативного взаимодействия, а также расширяют географию учений.

Япония проявляет интерес к возможности договорного оформления обслуживания и ремонта своих кораблей в Индии, что позволило бы японским ВМС продлевать присутствие в Индийском океане (вопрос обсуждался на встрече министров иностранных дел и обороны в августе 2024 г.; подобное соглашение с 2023 г. есть у Индии с США).

Отдельно следует обратить внимание на *следующие направления* военной кооперации: в феврале 2025 г. японская сторона предложила Индии присоединиться к проекту по производству совместного истребителя шестого поколения GCAP (Global Combat Aircraft Program), который она реализует с Великобританией и Италией. Отказ Франции и Германии в июне 2026 г. продолжать проект европейского ис-

[1] India and Japan to jointly develop underwater surveillance system // *Indian defence research wing*. August 24, 2024. URL: https://idrw.org/india-and-japan-to-jointly-develop-underwater-surveillance-system/ (accessed: 22.10.2026).

требителя, рассматривавшийся как альтернативный вариант, повышает шансы присоединения Индии к GCAP[1].

Индийские эксперты полагают, что сейчас складываются благоприятные условия для ускорения создания независимой (от китайского доминирования на рынке) цепочки поставок чипов, регулирующих ключевые функции управления БПЛА, на основе «соединения беспилотных технологий Индии и японских полупроводников». Первые шаги предприятиями сторон уже сделаны.

Показателем высокого уровня доверия между сторонами в военной области является предоставление Индией в мае 2025. г. японским специалистам РЭБ доступа для осмотра обломков китайской ракеты класса «воздух-воздух» PL-15, обнаруженных на севере Индии после воздушных боев между Пакистаном и Индией. Так как КНР размещает истребители J-10C и J-20, оснащенные PL-15, вблизи воздушного пространства Японии и Тайваня, доступ к осмотру данной ракеты нужен японской стороне для того, чтобы изучить китайские технологии, лежащие в основе алгоритмов искателей, шифрования данных и электронных средств противодействия.

В то же время, несмотря на регулярное взаимодействие вооруженных сил, между странами отсутствует соглашение о взаимном доступе, позволяющее размещать войска на территории друг друга (такое соглашение существует у Японии с другими участниками Quad, а также с Филиппинами и рядом других государств).

Выводы и предложения

1. Японо-индийское сотрудничество в военной области характеризуется расширением спектра операций и районов учебного взаимодействия вооруженных сил, повышением уровня оперативной совместимости, созданием сети обмена разведданными о морской активности в регионе, а также перспективами выхода японских вооружений на индийский рынок, ставшими более реальными после отмены Японией в апреле 2026 г. ограничений на экспорт вооружений. Можно прогнозировать, что по мере расширения сферы интересов Японии в Индийском океане сотрудничество с Индией будет возрастать.

[1] *Surendra Singh*. India eyes joining one of Europe's 6th-gen fighter projects: Parliamentary report // *The Times of India*. March 20, 2026. URL: https://timesofindia.indiatimes.com/defence/news/india-eyes-joining-one-of-europes-6th-gen-fighter-projects-parliamentary-report/amp_articleshow/129687537.cms (accessed: 22.10.2026).

2. Вместе с тем сохраняющаяся многовекторность курса Индии, заинтересованность в многоплановом сотрудничестве с Россией как ключевым центром баланса сил в Евразии, участие Индии в ШОС и БРИКС, особенности позиции Индии в связи с кризисом на Украине (в том числе отказ Дели разрешить японским военным грузовым самолетам с гуманитарными поставками для Украины совершать транзитную посадку в Индии) будут и далее оказывать сдерживающее влияние на практические параметры военного сотрудничества.

3. На данный момент Япония не входит в число ведущих партнеров Индии в области ВТС, масштабы их сотрудничества пока не представляют непосредственной угрозы российским интересам, однако тенденции возможного нарастания японо-индийского сотрудничества в этой сфере, особенно по военно-морским направлениям, следует учитывать при планировании дальнейшего развития военных связей между Россией и Индией.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.96.59.018

О.Г. Парамонов, С.В. Лавров

О ПОЛИТИКЕ ЯПОНИИ В ОТНОШЕНИИ МАЛЫХ ОСТРОВНЫХ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Аннотация. В материале рассматривается политика Японии в отношении малых островных государств Южной части Тихого океана в геополитической увязке с интересами России с учетом событий 2026 года и предлагается обоснование целесообразности противодействия японской стратегии в указанном регионе. Рассмотрена практическая реализация обновленной концепции Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона, предложенной правительством Санаэ Такаити и нацеленной на жесткое сдерживание геополитического влияния КНР, применительно к Южной части Тихого океана. Отдельно рассматриваются военно-технические и инфраструктурные инструменты (программы OSA и ODA), механизм оборонного диалога JPIDD, многосторонние «западные» форматы (PBP) с участием Японии.

Ключевые слова: Япония, Южная часть Тихого океана, FOIP 3.0, Санаэ Такаити, OSA, министерство обороны Японии, линии снабжения США.

Авторы: Парамонов Олег Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0001-5497-1310. E-mail: paramonov_og@mail.ru

Лавров Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Центра социально-экономических ис-

следований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0009-0003-4151-7540. E-mail: slavrov@iccaras.ru;
serg.v.lavrov@gmail.com

Paramonov O.G., Lavrov S.V.

On Japan's Policy toward Small Island States in the South Pacific

Abstract. The paper analyzes Japan's current policy toward the small island states of the South Pacific, focusing on the events of 2026. The analysis aligns Japan's regional strategy with Russia's geopolitical interests, justifying the need to counter the Japan's strategy. The paper examines the practical implementation of the updated Free and Open Indo-Pacific Concept by the Sanae Takaichi government, aimed at strictly countering China's geopolitical influence in the region. Special attention is paid to Tokyo's applied military-technical and infrastructure instruments (OSA and ODA programs), JPIDD defense dialogue mechanism, and multilateral Western initiatives (PBP) involving Japan.

Keywords: Japan, South Pacific, FOIP 3.0, Sanae Takaichi, OSA, Japan Ministry of Defense, U.S. supply lines.

Authors: Oleg G. Paramonov, Ph.D. (History), Senior Researcher, Center for Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0001-5497-1310. E-mail: paramonov_og@mail.ru

Sergei V. Lavrov, Ph.D. (History), Junior Research Fellow, Center for China Social and Economic Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0009-0003-4151-7540. E-mail: slavrov@iccaras.ru;
serg.v.lavrov@gmail.com

В последнее время Южная часть Тихого океана трансформировалась из «геополитической периферии» в пространство возрастающего соперничества между Китаем и коалицией США, Австралии и Японии. При всей географической удаленности данного макрорегиона от России актуальность анализа политики Японии в отношении малых островных государств Тихого океана (МОГТО) обусловлена связью разворачивающихся здесь процессов с глобальной безопасностью и изменениями баланса сил в АТР и мире, затрагивающими текущие и перспективные интересы России.

Регион Южной части Тихого океана имеет для Японии стратегическое значение. Через обширные морские исключительные эконо-

мические зоны (ИЭЗ) МОГТО проходят маршруты критически важных поставок австралийских энергоресурсов и полезных ископаемых (около 40 % японского импорта СПГ, более 60 % каменного угля и железной руды). Эти морские коммуникации рассматриваются также в качестве резервных логистических путей на случай эскалации/кризиса вокруг Тайваня. Важен также доступ к богатым морским биоресурсам (40 % потребления тунцовых в Японии).

Не менее значимы геополитические расчеты — Токио заинтересован в консолидации 14 голосов островных государств в ГА ООН для поддержки собственной повестки, в частности, заявки на постоянное членство в Совете Безопасности ООН.

Новым фактором стало усиление негативных моментов в тихоокеанской политике Токио с приходом к власти кабинета С. Такаити. Япония перешла к проведению более наступательного курса по продвижению своих интересов и влияния в АТР. Особо акцентируя аспекты безопасности и вопросы военно-политического позиционирования, Япония стремится стать ключевым элементом общей стратегии США и их партнёров, нацеленной на жесткое сдерживание геополитического влияния КНР, в том числе применительно к Южной части Тихого океана.

Так, в обновленной концепции Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (Free and Open Indo-Pacific, FOIP), представленной С. Такаити в ходе визита в Ханой в мае с. г., в подходы к отношениям с МОГТО внесены существенные коррективы. Эти страны теперь рассматриваются Токио не как «самостоятельные» партнеры по диалогу в рамках «дипломатии развития», а прежде всего как объекты политики безопасности.

В развитие этих установок глава минобороны Японии С. Коидзуми в 2026 году в ходе встречи так называемого Оборонного диалога Японии и островных тихоокеанских государств (Japan—Pacific Islands Defense Dialogue, JPIDD)[1] призвал лидеров МОГТО к созданию многоуровневой сети морской безопасности, подчеркнув, что попытки изменения статус-кво силой в морских акваториях (намекая на Китай) не должны быть терпимы. По итогам встреч на «полях» JPIDD достигнуты договоренности с Фиджи, Папуа — Новой Гвинеи и Тонга о подготовке двусторонних меморандумов по углублению оборонного сотрудничества.

[1] Были также приглашены в качестве наблюдателей Индонезия и Филиппины.

Помимо «Оборонного диалога», который становится одним из основных каналов взаимодействия, Япония в отношении МОГТО использует целый набор взаимодополняющих инструментов и механизмов. В частности, программы оказания помощи в сфере безопасности (Official Security Assistance, OSA) и на цели развития (Official Development Assistance, ODA), а также региональные структуры через формат Встреч лидеров тихоокеанских островов (Pacific Islands Leaders Meeting) и запущенную Западом многостороннюю инициативу «Партнеры в голубом Тихом океане» (Partners in the Blue Pacific, PBP). Кроме того, помимо военной помощи (предоставление определенных видов вооружений) через OSA и ODA, Япония осуществляет поставки оборудования, проекты по развитию портовой инфраструктуры и прокладку подводных кабелей.

В текущем 2026 финансовом году бюджет OSA, являющейся ключевым японским инструментом военно-технической поддержки дружественных государств Глобального Юга, вырос до 18,1 млрд иен (около 116 млн долл.). В рамках данного грантового механизма Фиджи получила японские патрульные катера и скоростные плавсредства для контроля своей ИЭЗ, помощь в рамках совместного проекта Японии и Австралии по модернизации портовой инфраструктуры. В 2026 г. список реципиентов OSA из числа МОГТО расширился: Папуа — Новой Гвинее предоставлено 400 млн иен (около 2,5 млн долл.) на закупку японской тяжелой строительной техники для инженерного батальона; Королевству Тонга в рамках гранта 300 млн иен (около 2 млн долларов) в том числе передаются восемь разведывательных БПЛА большого радиуса; в рамках консорциума с США и Австралией Япония (по линии ODA) финансирует прокладку подводных интернет-кабелей в Восточной Микронезии.

Вместе с тем реализация поставленных Токио целей сталкивается с рядом препятствий как технического, так и политического порядка. Так, программы военной помощи по линии OSA могут предоставляться исключительно структурам иностранных вооруженных сил, а у целого ряда малых островных государств Океании функции безопасности выполняют органы полиции или береговой охраны. Из-за этого из программы выпадают такие стратегически важные для Токио государства макрорегиона, как Кирибати, Вануату и Соломоновы Острова.

Отметим, что Токио проявляет активность в регионе, который рассматривает как свою зону влияния и «периметр безопасности» Австралия. Показателен пример Соломоновых островов. В текущем году имела место активизация контактов Токио и Хониары после

прихода к власти в мае с. г. правительства М. Уэйла, критиковавшего предшествующее сближение Соломоновых Островов с Китаем. Однако предоставленный в июле японской стороной льготный кредит в размере 3 млрд иен (около 18 млн долларов) не идет ни в какое сравнение с подготовленным в сентябре с. г. рамочным соглашением между Соломоновыми островами и Австралией, предусматривающим выделение правительству в Хониаре в целом более 700 млн долл.

Инициатива РВР «пробуксовывает» из-за дефицита финансирования и нарастающей критики со стороны лидеров МОГТО по поводу умаления роли головной региональной структуры государств Океании — так называемого Тихоокеанского форума (Pacific Islands Forum, PIF). Более того, навязывание повестки антикитайского сдерживания вызывает недовольство, поскольку даже те страны, кто не является сторонником «китайской модели», не хотят отказываться от щедро предоставляемых Пекином финансовых и материальных ресурсов на цели развития, как и колоссального рынка КНР для сбыта своей продукции.

Наконец, для Токио ситуацию осложняют глубокие антиядерные настроения в Океании. Дискуссия о возможном пересмотре «Трёх неядерных принципов», развернувшаяся в Японии летом с. г., серьезно подрывает репутацию Японии, дает повод усомниться в надежности неядерных ограничений страны, входит в противоречие с приверженностью островных государств Океании Договору Раротонга от 1985 г. о безъядерном статусе зоны ЮЧТО.

Выводы и предложения

На данный момент активность Японии в ЮЧТО не представляет непосредственной угрозы интересам России. Вместе с тем она требует пристального мониторинга и ответных действий, что логично вписывается в политику ограничения влияния недружественных государств в бассейне Тихого океана, способствует укреплению российско-китайского взаимодействия в АТР, включая в том числе в Океании. Чувствительность Японии к ситуации в Южной части Тихого океана предоставляет возможности для создания для Токио сложностей в данном макрорегионе и дипломатического давления по принципу «асимметричного ответа». В практическом плане в области политико-информационного противодействия активности Японии представляется целесообразным действовать по следующим направлениям.

1. Дипломатическое противодействие на многосторонних площадках, в частности, в ООН. Учитывая, что МОГТО традиционно выступают в ООН консолидированным блоком, желательно активизировать работу с их постоянными представительствами в Нью-Йорке. При этом следует акцентировать нарративы опасности размывания Токио «трех неядерных принципов» Японии, риски деструктивного курса кабинета Такаити на форсированную милитаризацию, обыгрывая негативный «исторический багаж» милитаристской Японии и опасения островных государств Океании стать ареной геополитического соперничества и блоковых размежеваний.

2. Инициировать на площадках ООН постановку вопросов о неизменности обязательств Токио по ядерному нераспространению, подтверждения обязательств Японии уважать безъядерный статус Южной части Тихого океана, проводить политику военной сдержанности в АТР. Активная защита безъядерной зоны в ЮЧТО позволит России укрепить доверие со стороны МОГТО и расширить пул поддержки при важных голосованиях в ООН.

3. Налаживание взаимодействия с влиятельными региональными СМИ, активная работа через региональные сети. С учетом особенностей медиаполя МОГТО, российским медиаресурсам (агентство «Sputnik») целесообразно сосредоточить усилия на таргетированном продвижении материалов в сегментах социальных сетей (прежде всего, Facebook) Республики Фиджи. Данное государство выступает информационным хабом региона, в Суве работают пул журналистов Ассоциации СМИ островов Тихого океана (Pacific Islands News Association, PINA), агентство Pacnews.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.36.60.019

К.С. Григорьева

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ О СЕМЕЙНОЙ МИГРАЦИИ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ИСТОЧНИКОМ ПРОБЛЕМ ДЛЯ ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА?

Аннотация. В аналитической записке представлены данные о динамике изменения доли семейной миграции в общих миграционных потоках на Западе и в России, дается краткий обзор дискуссий вокруг феномена семейной миграции, оценивается реалистичность опасений, связанных с семейными мигрантами, даются некоторые рекомендации относительно законодательных инициатив, направленных на регулирование семейной миграции и релевантных общественно-политических дискурсов.

Ключевые слова: семейная миграция, трудовая миграция, интеграция, политизация, секьюритизация.

Автор: Григорьева Ксения Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора диаспоральных исследований Центра центральноазиатских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-7761-7792.
E-mail: ksenia_grig@mail.ru

Grigor'eva K.S.

Socio-Political Debates on Family Migration: Is it Really a Source of Problems for the Host Society?

Abstract. This analytical memo presents data on trends in the share of family migration within total migration flows in Western countries and Russia, provides a brief overview of the debates surrounding the phenome-

non of family migration, assesses how well-grounded the concerns associated with family migrants are, and offers several recommendations regarding legislative measures regulating family migration, as well as public and political discourse on the matter.

Keywords: family migration, labour migration, integration, politicisation, securitisation.

Author: Kseniya S. Grigor'eva, Ph.D. (Sociology), Senior Researcher, Diasporal Studies Sector, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-7761-7792. E-mail: ksenia_grig@mail.ru

В последние десятилетия доля семейной миграции в миграционных потоках в мире неуклонно растет, а в некоторых странах и регионах — преобладает над всеми прочими видами миграции. Так, в 2023 г. семейная миграция в государствах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) превысила рекордную отметку в 2,5 млн человек. Доля мигрантов, прибывших по семейным основаниям, составила 43 % от общего числа постоянных мигрантов ОЭСР, что значительно выше доли переселенцев всех прочих категорий[1]. Что касается России, то здесь показательны данные по получению разрешения на временное проживание, наибольшая часть которых (до 50 %) оформляется по «семейной» линии, а также статистика приобретения видов на жительство и натурализации, согласно которой более 55 % российских паспортов и ВНЖ было получено иностранцами по семейным основаниям[2].

Семейная миграция долгое время рассматривалась как вторичная и производная от трудовой, не привлекая внимания политиков и общественности. Однако с 1990-х гг. на Западе и с 2010-х гг. в России под влиянием более широкого процесса секьюритизации миграции (позиционирования миграции как угрозы) началась политизация и этого вида миграции. С августа 2024 г. в России предпринимаются попытки законодательно ограничить или даже запретить семейную миграцию (законопроекты №№ 700297-8 и 1012282-8).

Общими для дискурсов о семейной миграции в России и за рубежом являются рассуждения об экономической нецелесообразности

[1] OECD. International Migration Outlook 2024. Paris: OECD Publishing, 2024. P. 12.

[2] *Чудиновских О.С.* Классификация международной миграции в России на основании административных данных // Economic Commission for Europe Conference of European Statisticians Group of Experts on Migration Statistics. Working paper 9. Geneva, Switzerland, 7—8 May 2024. URL: https://unece.org/sites/default/files/2024-04/6.Admin%20WP9%20LOM%20Chudinovskikh%20RUS.pdf (дата обращения: 28.07.2026).

допуска в государство назначения семейных мигрантов, которые позиционируются как неработающие иждивенцы, создающие неоправданную нагрузку на социальную инфраструктуру, а также уверенность в том, что семейная миграция препятствует интеграции, стимулируя сохранение культурных норм государств исхода и замыкание иностранцев в изолированных общинах.

Несмотря на то, что исследования действительно демонстрируют несколько худшие показатели занятости семейных мигрантов по сравнению с трудовыми, более детальное изучение данного вопроса показывает, что включенность в рынок труда принимающих стран зависит от многих факторов, в том числе от пола, страны исхода, возраста, образования и т. д. Некоторые категории семейных мигрантов не уступают трудовым по уровню участия в составе рабочей силы. Другие, хоть и имеют более низкие показатели занятости, отстают не так значительно, как это часто изображается в политизированных дискурсах о семейной миграции.

Кроме того, включенность в рынок труда стран назначения является лишь одним из показателей интеграции и не позволяет полноценно оценить степень включенности семейных мигрантов в принимающее общество. В сфере культурной интеграции необходимо учитывать также владение языком страны назначения и ценностные установки мигрантов, в социальной — отношения с принимающим населением и крепость связей со страной исхода, в идентификационной — формирование эмоциональной связи с государством приема, в структурной — доступ к жилью и здравоохранению.

Как показывают исследования, проводимые ИКСА РАН, а также Институтом социологии ФНИСЦ РАН совместно с НИУ ВШЭ, по всем перечисленным параметрам семейные мигранты в России не уступают трудовым, а в некоторых случаях (владение русским языком, нормативные установки) даже превосходят их. Кроме того, проживание с членами семьи скорее способствует интеграции в принимающее общество, нежели препятствует ей.

Учитывая сказанное, рекомендуется:

1) отслеживать прохождение законодательных инициатив об ограничении семейной миграции в Госдуме и при необходимости корректировать жесткость требований этих инициатив;

2) осуществлять целенаправленную работу по недопущению использования языка вражды в отношении семейных мигрантов в СМИ, а также в выступлениях влиятельных публичных персон, включая известных общественных деятелей, политиков, официальных лиц.

ФОРУМЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

DOI: 10.48647/ICCA.2026.21.97.020

Я.В. Лексютина, С.В. Уянаев

ОБ ИТОГАХ 21-Й ТРЕХСТОРОННЕЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РИК

Аннотация. 15—16 октября 2026 г. в Дели на базе Института китайских исследований (ИКИ, Индия, г. Дели) с участием традиционных соорганизаторов (Института Китая и современной Азии РАН и Китайской академии международных проблем МИД КНР) прошла 21-я трехсторонняя академическая конференция РИК (Россия—Индия—Китай). С 2001 г. данная трехсторонняя академическая конференция прочно закрепилась в качестве «второй», экспертной дорожки диалогового механизма РИК. В материале фиксируются высказанные в ходе трехсторонней конференции позиции индийской и китайской сторон, позволяющие оценить перспективы трехстороннего сотрудничества России, Индии и Китая и восстановление «замороженного» с 2020 г. взаимодействия трех стран на уровне глав внешнеполитических ведомств.

Ключевые слова: РИК, Россия, Китай, Индия, форум, трехсторонняя конференция.

Авторы: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес:117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-6766-1792. E-mail: lexyana@ya.ru

Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель — ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

Leksyutina Ya.V., Uyanaev S.V.

On the Results of the 21st Trilateral Academic Conference of the RIC

Abstract. On October 15—16, 2026, the 21st RIC (Russia—India—China) trilateral academic conference took place in Delhi, hosted by the Institute of Chinese Studies (ICS, Delhi, India). The event involved the traditional co-organizers: the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences and the China Institute of International Studies (under the Chinese Ministry of Foreign Affairs). Since 2001, this trilateral academic conference has firmly established itself as the "Track II" or expert-level component of the RIC dialogue mechanism. This article outlines the positions articulated by the Indian and Chinese sides during the conference, offering insights into the prospects for trilateral cooperation among Russia, India, and China, as well as the potential for resuming engagement at the level of foreign ministers—a channel that has remained "frozen" since 2020.

Keywords: RIC, Russia, China, India, forum, trilateral conference.

Authors: Yana V. Leksyutina, Dr.Sc. (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences; Deputy Head of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6766-1792. E-mail: lexyana@ya.ru

Sergey V. Uyanaev, Ph.D. (History), Head — Leading Researcher at the Center "Russia, China, World", Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

15—16 октября 2026 г. в Дели прошла 21-я трехсторонняя академическая конференция РИК. Организатором, согласно ротационной схеме, выступил Институт китайских исследований (ИКИ, Индия, г. Дели), традиционными соорганизаторами — Институт Китая и современной Азии (ИКСА) РАН и Китайская академия международных проблем (КАМП) МИД КНР.

Конференция включала три сессии по темам, сформулированным индийской стороной: «Сотрудничество РИК в период международных встрясок и глобальной неопределенности», «Роль РИК в формировании региональной экономической динамики многостороннего сотрудничества и новые экономические рубежи», «Двустороннее сотрудничество между государствами РИК: расширение связей между обществами и культурами». Помимо руководителей и экспертов трех

мозговых центров, участие в конференции приняли бывшие послы Индии в РФ А. Малхотра и В. Варма, шерпа Индии в БРИКС Д. Рави. Важным фактором стало участие и выступление представителей Посольства РФ в Дели, придавшее мероприятию статус «полуторного» формата.

В ходе конференции был представлен первый трехсторонний аналитический доклад "RIC cooperation agenda. Severer common challenges, greater impetus for joint response", подготовленный по инициативе ИКСА РАН. Впервые за 25-летнюю историю существования «второй дорожки» РИК сторонам удалось согласовать трехсторонний доклад, отразив национальные подходы к актуальной международной повестке (санкции США, фрагментация международной торговой системы и растущая нестабильность мировых энергетических рынков) и представив взгляды сторон относительно укрепления влияния РИК и выработки совместных решений в сфере глобального управления, создания новой международной финансовой системы, трансформации транспортных коридоров, развития сотрудничества в Арктике, а также обмена передовым опытом и лучшими практиками. В ходе конференции было принято предложение ИКСА РАН о необходимости ежегодной публикации подобного доклада.

В ходе конференции были высказаны позиции сторон, представляющие интерес в контексте оценки перспектив трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая:

1. Индийские эксперты выразили большие сомнения в вероятности возобновления трехсторонних встреч на официальном уровне по линии внешнеполитических ведомств, по меньшей мере, в среднесрочной перспективе. Основным препятствием выступает нерешенность пограничного вопроса, память о пограничных китайско-индийских столкновениях 2020 г. и недоверие к Китаю.

Показательно было отсутствие на конференции традиционного для таких форумов представителя МИД страны-организатора (Индии), в связи с чем на заседании не появились и представители посольства КНР в Индии. До уровня руководителя одного из экспертных департаментов (Center for Conteporary China Studies) была понижена традиционная итоговая встреча в МИД Индии, где в предыдущие годы экспертов трех стран традиционно принимал министр или заместитель министра.

В ходе конференции индийские эксперты подняли вопрос о создании рабочей группы по демилитаризации. Важной функцией формата РИК, по мнению индийской стороны, выступает укрепление

мер доверия. Пограничные споры и отсутствие доверия — главные помехи на пути выстраивания коммуникации по официальной линии РИК. Китайские эксперты обсуждение данной тематики проигнорировали и указали на то, что укрепление мер доверия было задачей РИК исключительно на начальном этапе развития этого механизма.

В интересах создания атмосферы доверия между странами индийскими экспертами также была высказана идея принятия принципа “no first use” (с его фиксацией в совместной декларации) в вопросах введения пошлин и ограничительных экономических мер. Такой принцип предполагал бы отказ трех стран от произвольного введения пошлин или ограничительных мер, но оставлял бы за страной право принятия ответных мер.

2. Важной текущей тенденцией в индийском и китайском подходах можно считать акцент на задачу более тесной связи формата РИК с интересами Глобального Юга. На этом вопросе активно фокусировались, в частности, индийские эксперты. Называя страны РИК лидерами Глобального Юга и развивая тему оптимальной трехсторонней повестки, они подчеркивал, что ее центром должна быть поддержка Глобального Юга. Именно через эту призму, по мнению индийской стороны, следует рассматривать работу РИК по продвижению принципов многополярности, консенсуса и учета голоса каждой страны на международных площадках. Причем, по их мнению, одновременно РИК «должен создавать глобальные общественные блага и делать их доступными для Глобального Юга».

Китайские делегаты затрагивали данную тему в более широком контексте возросшей роли стран Глобального Юга и привлечения их к обсуждению вопросов международной повестки. Такого рода проблемы (реформирование глобального управления, включая финансовую составляющую, усиление связанности, в том числе через создание новых транспортных коридоров и т. п.) должны, как отметили китайские ученые, быть в поле повышенного внимания РИК.

3. И китайская, и особенно индийская стороны выразили заинтересованность в налаживании практических форм кооперации в формате РИК, в реализации различных конкретных проектов как в странах РИК, так и в странах Глобального Юга. Отдельно индийскими экспертами была обозначена идея продвижения совместных экономических проектов в Африке, отвечающих интересам всех трех стран РИК, каждая из которых рассматривает данный континент в числе своих внешнеполитических приоритетов.

В качестве сфер, где интересы трех сторон комплементарны, были названы: сельское хозяйство (в качестве блестящей инициативы индийские эксперты отметили предложенную Россией на саммите БРИКС в Казани в 2024 г. инициативу создания зерновой биржи); фармакология (именно здесь проявляется взаимодополняемость компетенций и экспертизы РИК); энергетика; ИИ и цифровое развитие. Была предложена идея создания механизма обмена технологиями (между странами РИК, но предназначенной для всего Глобального Юга) по аналогии с идеей создания зерновой биржи.

4. И китайские, и индийские эксперты были солидарны в том, что важная функция РИК состоит в поддержании диалога. Для индийской стороны РИК — это еще один механизм, призванный повышать доверие между Нью-Дели и Пекином.

5. Затрагивался также американский фактор. Китайские делегаты прямо назвали США «главным разрушителем стабильного миропорядка». И индийские, и китайские эксперты одинаково сильно критиковали действия Д. Трампа, называя США источником дестабилизации ситуации в мире и в Евразии: на Украине, в Венесуэле, Иране. Китайская сторона выразила опасения относительно того, что США могут намеренно дестабилизировать ситуацию в Азии, например, в Тайваньском проливе, с вовлечением Японии или Филиппин. Китайские и индийские эксперты критиковали санкции, ограничительные меры, повышение пошлин как инструмент экономического давления, приходящий на смену санкциям.

На конференции были согласованы планы проведения 22-й трехсторонней академической конференции РИК осенью 2027 г. в Москве на базе ИКСА РАН (согласно ротационной схеме), приняты предложения ИКСА РАН по ежегодной публикации трехсторонних аналитических докладов РИК и переходу к постоянному формату конференции посредством организации в течение года 2—3 тематических онлайн-семинаров с участием трех сторон.

DOI: 10.48647/ICCA.2026.33.36.021

С.В. Михневич

ОБ ИТОГАХ ИНВЕСТИЦИОННОГО БИЗНЕС-ФОРУМА ШОС «КЫРГЫЗСТАН — СЕРДЦЕ ЕВРАЗИИ» И ЗАДАЧАХ РАЗВИТИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ШОС

Аннотация. Наращивание взаимных инвестиций — одно из приоритетных направлений деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) на современном этапе. Достижению указанной цели призвано способствовать проведение масштабных профильных мероприятий, таких как первый Инвестиционный бизнес-форум ШОС, состоявшийся 24—25 июня 2026 г. в рамках председательства Кыргызстана в ШОС. В материале анализируются основные итоги Форума, даётся оценка его эффективности для целей стимулирования инвестиционного сотрудничества и предлагаются рекомендации по его развитию.

Ключевые слова: Российская Федерация, Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, инвестиционные проекты, Шанхайская организация сотрудничества, Банк развития ШОС, инфраструктура, связанность.

Автор: Михневич Сергей Владимирович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра центральноазиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32).
ORCID: 0000-0003-3662-9022. E-mail: sxzex@yandex.ru

Mikhnevich S.V.

On the Results of the SCO Investment Business Forum "Kyrgyzstan — the Heart of Eurasia" and the Objectives of Developing Investment Cooperation in the SCO

Abstract. Increasing mutual investments is one of the current priorities of the activities of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Large-scale events, such as the first SCO Investment Business Forum, held on June 24, 2026, within the framework of Kyrgyzstan's SCO presidency, are intended to contribute to achieving this goal. The article analyzes the main results of the forum, assesses its effectiveness in stimulating investment cooperation, and offers recommendations for its development.

Keywords: Russian Federation, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, investment projects, Shanghai Cooperation Organization, SCO Development Bank, infrastructure, connectivity.

Author: Sergey V. Mikhnevich, Ph.D. (Political sciences), Senior Researcher, Center for Central Asian Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3662-9022. E-mail: sxzex@yandex.ru

Торгово-экономическое взаимодействие в рамках ШОС демонстрирует поступательное развитие. С 2020 по 2024 гг. взаимная торговля членов ШОС выросла с 803,8 млрд долл. до 3,52 трлн долл. или в 4,37 раза. Одновременно произошел рост значимости взаимной торговли. Если в 2020 г. доля товарооборота стран — членов ШОС между собой в их совокупной внешней торговле составляла 12,98 %, то в 2024 г. — уже 40,91 %[1]. Вместе с тем взаимные инвестиции отстают от темпов роста торговли на фоне сохраняющегося инвестиционного разрыва, в особенности в капиталоемких отраслях. Например, по данным ЕАБР, накопленный объем инвестиций из члена ШОС, Индии, в Россию в 2025 г. составил 5,3 млрд долл., что меньше, нежели в 2016 г., когда их объем достиг 7,9 млрд долл.[2] При этом объем взаимной торговли Индии и России только апреле—декабре 2025 г. составил 63,6 млрд долл.

[1] Расчеты на основе данных: URL: https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/shared-report/8745e151-7a1c-410c-8fbe-608a6929697c (дата обращения: 30.07.2026).

[2] *Винокуров, Е.* (ред.), *Забоев, А., Кузнецов, А., Малахов, А., Омаров, А., Серик, Е.* (2026) Евразийский регион и страны-партнеры из Азии: анализ инвестиционных потоков на основе Мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР. Доклад 26/2. Алматы: Евразийский банк развития.

(59,1 млрд долл. — индийский импорт из России)[1]. Даже с учетом значительного объема российских инвестиций в Индию имеет место многократный разрыв между данными показателями[2].

Решению данной задачи на уровне ШОС способствует проведение таких мероприятий как первый Инвестиционный форум Организации, состоявшийся 24—25 июня в г. Бишкек в рамках председательства Кыргызстана (КР). В работе Форума, получившего название «Кыргызстан — сердце Евразии», приняло участие свыше 500 представителей органов власти, международных институтов, делового и экспертного сообществ. Его основная программа включила в себя помимо пленарного заседания/открытия три панельные сессии: «Цифровая экономика, искусственный интеллект и электронная торговля: инвестиции в цифровую связанность», «Зеленая трансформация и цифровой суверенитет: новая индустриализация стран ШОС», «Здравоохранение, фармацевтическая отрасль и медицинский туризма: инвестиции, инновации и международное сотрудничество».

Кыргызская сторона, воспользовавшись полномочиями председателя, использовала площадку Форума для активного продвижения собственных приоритетов и инвестиционного потенциала. В частности, в выступлении Д.Д. Амангельдиева, первого заместителя Председателя Кабинета Министров КР, было отмечена поступательная динамика ВВП: за 5 лет среднегодовой рост ВВП КР составил 10 %, в 2025 г. превысил 11 %, а в первом полугодии 2026 г. — 12 %. Одновременно продемонстрировали рост ПИИ в КР (в 2025 г.: +27 %, 1,3 млрд долл.), а общий портфель новых инвестиционных проектов достиг 23,8 млрд долл. в 76 проектов. Кроме того, в стране реализуется 45 проектов ГЧП на общую сумму свыше 434 млрд сомов. Большое значение придается получению Республикой статуса непостоянного члена Совета Безопасности ООН на 2027—2028 гг., что увязывается с ростом авторитета КР и его экономическими успехами.

При этом необходимо отметить, что в презентации экономического потенциала КР полностью отсутствовала тематика евразийской экономической интеграции и предоставляемых ею возможностей. С одной стороны, это снижает привлекательность КР как инвестиционного направления. С другой — демонстрирует определенную «отстройку» КР от

[1] Товарооборот РФ и Индии в апреле—декабре 2025 года составил $63,6 млрд. ТАСС. 27 февраля 2026 г. URL: https://tass.ru/ekonomika/26577891 (дата обращения: 18.06.2026).

[2] Российские инвестиционные проекты в Индии // *Сбер*. URL: https://sber.bank.in/ru/media/publications/rossiiskie-investitsionnie-proekti-v-indii (дата обращения: 18.06.2026).

интеграционных процессов с участием Российской Федерации для «более удобных» контактов с западными партнерами. При этом представители КР в неформальных разговорах отмечают избыточное усиление китайских партнеров на фоне относительного снижения российских инвестиций, что создает запрос на укрепление российских позиций.

Новыми источниками экономического роста в КР становятся такие отрасли как экспорт IT-услуг и «зеленая экономика», которые также получили отражение в Национальной программе развития КР до 2030 г.[1] Так, для стимулирования инвестиций в возобновляемую энергетику запущен специальный регуляторный режим, что отметил Р.А. Сабиров, глава Национального агентства по инвестициям при Президенте КР (Национальное агентство). Кроме того, принято новое законодательство для венчурных инвестиций. Для повышения эффективности инвестиционной политики Национальным агентством разработана АИС «Инвестиции», сформирована интерактивная Карта инвестиционных проектов, а также с использованием ИИ запущен чат-бот на 30 языках для взаимодействия с иностранными инвесторами. Кроме того, реализуется ряд масштабных инициатив и проектов, таких как горнолыжный комплекс «Ала-тоо резорт», умный город Асман, специальная финансово-инвестиционная территория (СФИТ) «Тамчы», где помимо льготных условий будет создан международный центр разрешения споров, действующий на принципах английского права. «Он будет рассматривать все споры, а помощь с консультантами для внедрения английского права оказало посольство Великобритании»[2]. Реализуются стимулирующие инициативы и непосредственно деловым сообществом. Т.А. Сариев, президент ТПП КР, сообщил о создании Регионального центра проектного сопровождения для стран ШОС с фокусом на МСП.

В целом в выступлениях и дискуссиях Форума по вопросу развития сотрудничества непосредственно в рамках ШОС можно выделить следующие основные тематические блоки и сюжеты[3].

---

[1] Утверждена указом Президента КР от 5 июня 2025 г. № 178.

[2] В КР создают специальную зону, где будет действовать английское право, — зачем // *Агентство «Спутник КР»*. URL: https://ru.sputnik.kg/20260220/kr-spetsialnuyu-zonu-angliyskoe-pravo-zachem-1099850931.html (дата обращения: 18.06.2026).

[3] Они нашли отражение как в выступлениях вышеуказанных спикеров, так и в выступлениях таких лиц как С.Р. Рахимзода, Председатель государственного комитета по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан; Х.Ф. Тешабаев, заместитель министра инвестиций, промышленности и торговли Республики Узбекистан, М.Э. Закирьянов, Заместитель председателя Комитета по инвестициям Министерства иностранных дел Республики Казахстан, и других членов ШОС.

Демонстрация инвестиционного потенциала отдельных стран часто не соотносилась с общими целями и деятельностью ШОС.

Транспортно-логистическая инфраструктура (связанность) (например, ЖД Китай—Кыргызстан—Узбекистан), цифровая экономика и возобновляемая энергетика — являются ключевыми и уже «традиционными» темами для совместных инвестиционных инициатив ШОС.

В числе перспективных тем для многостороннего инвестиционного сотрудничества также присутствуют: продовольственная безопасность, промышленная кооперация, молодежное предпринимательство, разработка редкоземельных металлов. Необходимо обеспечивать не только взаимную поставку товаров, но и совместную разработку технологий, увеличивая создание добавленной стоимости в регионе.

Отметим также акцент на прикладной интеграции, включающей выработку практических инструментов поддержки бизнеса как ключевого драйвера роста и развития, а также устранение связанных транзакционных издержек. Необходимо формирование новой «модели развития ШОС», целостной инвестиционной экосистемы и перечня совместных проектов при участии органов власти, бизнеса, институтов развития и инвестиционных агентств.

Важная задача в этой связи — развитие институциональной структуры организации, и, в частности, завершение работ по созданию Банка развития ШОС (БРШ) — об этом говорили представители всех государств Центральной Азии — и создание новых механизмов, таких как Фонд развития ШОС, региональный фонд финансирования инфраструктурных, промышленных и иных проектов.

В будущем Форум будет проводиться на ежегодной основе.

Выводы

Ход дискуссий на Форуме показал, что наращивание взаимной инвестиционной активности приобретает характер сквозной темы в экономическом измерении сотрудничества в рамках организации. При этом речь идет не только о наращивании объемов финансирования, но и о развитии адаптивных институциональных структур и необходимых инструментов под потребности различных отраслей.

В этой связи новый импульс способно придать продвижение сотрудничества на следующих направлениях.

1. Активизация работы над созданием БРШ с одновременным формированием пула перспективных проектов и адаптивного инструментария.

2. Развитие механизмов вовлечения делового сообщества в развитие институтов ШОС и проектную деятельность на этапах стратегического и отраслевого планирования, разработки проектных инициатив, «упаковки» проектных предложений и их реализации.

3. Устранение информационных разрывов относительно перспективных проектных инициатив и условий сотрудничества, инструментов поддержки, обмен опытом, выявление и тиражирование лучших практик, способствующих интеграции усилий заинтересованных сторон.

4. Подключение широких деловых масс к деятельности Ассоциации инвесторов ШОС с фокусом на региональном бизнесе и Агентствах инвестиционного развития, что возможно с использованием опыта единой федеральной системы сопровождения и поддержки инвестиционных проектов InvestRussia.

5. Активизация работы Делового совета ШОС и формирование совместных «дорожных карт» с другими институтами ШОС.

6. Развитие инструментария прямого и непрямого финансирования совместных проектов действующими институтами развития и частными банками, с особым акцентом на смешанном финансировании.

7. Активизация практической работы по промышленной кооперации и создание прикладных механизмов с учетом опыта Евразийского экономического союза (ЕАЭС) по предоставлению финансового содействия при реализации кооперационных проектов.

8. Координация взаимодействия членов ШОС в различных международных форматах глобального и регионального уровней.

Научное издание

Аналитические записки ИКСА РАН

Выпуск 12

Редактор-составитель *Л.Л. Сухадольская*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 31.10.2026. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 4,6. Уч.-изд. л. 4,7.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 50 экз.)

Электронная библиотека ИКСА РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСА РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32

При использовании материалов издания
ссылка на источник обязательна